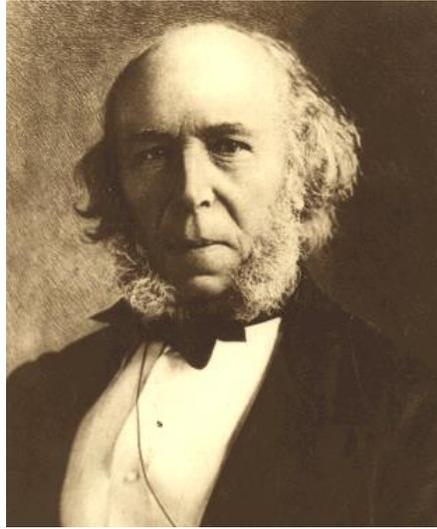

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР (1820-1903)

Herbert Spencer не был профессиональным философом. Он был просто любителем поразмышлять над вопросами развития природы и общества, но эти его размышления оказывались часто более ценными, чем заумные диссертации университетских докторов философии. Технический и практический склад ума Спенсера отличает его от большинства философов предшествующих эпох. Спенсер считает вполне заслуженным то "пренебрежение и презрение", которое питают к философскому идеализму не посвящённые в философию люди.

В основе философской системы Герберта Спенсера лежали идеи эволюции, эволюционного развития природы и общества. В 1850-ые годы он сформулировал основы своей философии, которую он развивал и разрабатывал в течение всей своей жизни. В 1852-ом году – за семь лет до выхода в свет замечательной книги Дарвина "О происхождении видов" – Спенсер защищал теорию эволюции в своей книге *Development Hypothesis*. Критики осуждали эту теорию с позиций революционного изменения общества. "Принцип *выживает сильнейший*¹ предполагает приспособленность к уже существующим в окружающей среде условиям, – говорили они. – А человек, наделённый разумом, сам творит свою окружающую среду, и показателем прогресса в развитии человечества может быть не степень приспособленности к существующим условиям, а степень готовности к тому, чтобы эти условия изменить".

Может быть, это и верно по отношению к ничтожному меньшинству наиболее могущественных, талантливых и удачливых людей, которые живут по своим правилам. Но у подавляющего большинства людей, вынужденных жить по правилам, предписанным сильными мира сего, не остаётся никакого другого выбора, кроме как постепенно приспособливаться к постепенно меняющимся условиям, и среди этих простых, обычных людей, не наделённых ни богатством, ни властью, the fittest, конечно же, добиваются относительно больших успехов, чем все остальные члены той же социальной группы...

---

¹ точнее, наиболее приспособленный – "survival of the fittest"

Спенсер начал свою карьеру семнадцатилетним изобретателем и инженером-железнодорожником, но из-за своих радикальных, по тем временам, взглядов и убеждений, не ужился с начальством и вынужден был оставить службу. В его "письмах", опубликованных в журнале *Nonconformist*, проявился его политический радикализм и крайний индивидуализм, который станет отличительной особенностью всех его дальнейших публикаций.

В 28 лет он стал редактором журнала *Economist* и познакомился со многими выдающимися людьми того времени, включая Джона Стюарта Милля и Мэри Анн Эванс, которая публиковала свои литературные произведения под именем Джордж Элиот (George Eliot). Он был с ней в очень близких отношениях, друзья и знакомые поговаривали о свадьбе, но свадьбы не получилось, как не получилось и дружбы с другим его выдающимся современником – Томасом Карлайлом (Thomas Carlyle), которому он тоже был представлен...

В 1851-ом году Спенсер опубликовал свою первую книгу – "Социальная статика" (*Social Statics, or the conditions essential to human happiness*), которая пользовалась большим успехом у читающей публики.

Спенсер горячо протестовал против вмешательства государства в экономическую и интеллектуальную жизнь общества и с тревогой наблюдал, как государство наступает на права личности, присваивая себе всё новые и новые функции. Армия и флот для защиты от нападения извне и полиция и суд для поддержания закона и порядка внутри государства – вот и всё, чем, по его мнению, центральное правительство должно заниматься...

Самое для меня интересное в любой философской системе – это этические и политические вопросы. Маленькую книжку Спенсера "Личность и государство" (*Man versus the State*) я отнёс бы к числу самых замечательных книг, которые я в своей жизни прочитал. Эта книга была опубликована в 1884-ом году – за 33 года до русской социалистической революции – и невероятным кажется то, что русские революционеры, которые её, конечно же, читали, сознательно вели народ в "грядущее рабство" (так называется одна из глав этой книги, посвящённая возможному в будущем социализму).

"ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО"²

Размышляя о политической трансформации тогдашних основных политических партий (консерваторов и либералов, которых, по традиции, называли тори и вигами), Спенсер замечает, что идеологическое наследие этих партий связано с двумя основными типами социальной организации: тип военный и тип промышленный. И в том и в другом случае имеет место кооперация между людьми. Но в первом случае это кооперация принудительная, а во втором случае – добровольная. В их отношении к милитаризму и индустриализму Спенсер видит главное идеологическое различие между консерваторами и либералами. Исторически, виги рассматривали монархию как "гражданское учреждение, установленное нацией для блага всех её членов", тогда как для тори монарх был "посланником Неба". В первом случае граждане подчиняются верховной власти условно –

---

² Русский перевод: Герберт Спенсер. "Личность и государство". Челябинск : "Социум", 2007.

то есть при том условии, что власть не нарушает принципов справедливости. Во втором – требуется безоговорочное подчинение верховной власти. Виги (и их идеологические наследники – либералы) в прошлом стремились оградить подданных от враждебных действий монархической власти. Однако, чем большей власти они (либералы) добивались, тем более принудительной делалась их законодательная политика. Мотивы активного вмешательства государства в общественную жизнь, несомненно, были похвальны: устранить социальное зло – нищету, безграмотность, антисанитарию и т. д. Но так как в уме большинства людей устранённое зло равняется благу, либеральные избиратели стали считать целью либерализма благосостояние масс, а не борьбу с государственным вмешательством в частную (экономическую и личную) жизнь граждан... Говоря о новых обременительных налогах, Спенсер доказывает, что каждый из этих налогов представляет собой новое стеснение и всё более ограничивает свободу гражданина: до сих пор вы могли тратить эту часть своего заработка по своему усмотрению, теперь мы будем тратить её для общего благополучия. Гражданин на каждом шагу развития принудительного законодательства лишается какой-либо из свобод, которыми он пользовался прежде. Таковы, – с горечью замечает Спенсер, – плоды деятельности той партии, которая именует себя *либеральной* на том основании, что считает себя защитницей *свободы*.

Несколько выписок из книги дают достаточное представление о позиции автора. Конечно, истина всегда лежит посередине между двумя крайностями, и Спенсер в пылу полемики заходит порою слишком далеко, отрицая необходимость даже санитарных мероприятий правительства, но попутно он высказывает много интересных мыслей, которые побуждают к размышлению и тех людей, которые с ним не согласны:

Многочисленные ограничительные акты не могут быть оправданы тем, что они исходят от избранного народом института, так как власть подобного института (так же, как и власть монарха) не может считаться абсолютной. Как истинный либерализм в былые времена боролся против монарха, который хотел пользоваться неограниченной властью, точно так же в наше время истинный либерализм будет бороться против правительства или парламента, который хочет захватить в свои руки неограниченную власть.

Другими словами, человек может быть более свободен при просвещённом монархе, чем при тираническом парламенте!

Одна из самых элементарных политических истин: в ходе социальной эволюции обычай предшествует закону, и раз обычай утвердился – он становится законом, получая официальную санкцию.

Свобода, которой пользуется гражданин, должна измеряться не сущностью общественного строя, при котором он живёт, а возможно меньшим числом наложенных на него ограничений.

"Добрый" радикал воображает, что если цель, к которой он стремится хороша, то он имеет право применять к людям любое насилие, на какое он способен. Однако замена злого деспота добрым не мешает правительству быть деспотическим ... Деспот остаётся деспотом, независимо от того, будут ли мотивы проявления его произвола хороши или дурны. Он ограничивает свободу гражданина сверх степени, необходимой для охранения свободы других граждан.

Чувство сожаления к страждущим имеет родство с любовью. Мы одинаково склонны идеализировать как человека, которого любим, так и человека, которого мы жалеем.

Существует мнение, что всякое общественное зло может быть удалено и что удаление его составляет чью-то непрременную обязанность. Но и то, и другое предположение неверно. Стараться отделить страдание от дурного поведения – значит идти против существа вещей.

Другими словами, человек, который страдает по собственной вине, не заслуживает сожаления.

Англичане в массе своей привыкли полагаться на самих себя и не любили бездельников. "Если ты физически здоров, но беден, то ты сам в этом виноват", "Помоги себе сам", "Помогать бедным – значит поощрять лень и иждивенчество", "Если ты хочешь лучше жить, ты должен лучше работать" – эти и подобные сентенции не вызвали у большинства людей никакого сомнения. Но в то же время многим из них (особенно, женщинам) было свойственно сострадание и желание помочь несчастным. Это очевидное противоречие привело к разделению несчастных на две категории: тех, кто сам виноват в своём несчастье, и тех, кто страдает безвинно (дети-сироты, больные и т. п.) Старый закон о бедных (Old Poor Law, 1597-1834) не делал между ними никакого различия. Новый закон о бедных (New Poor Law of 1834) был призван исправить (и в значительной мере исправил) это положение. Конечно, были и критики, и недовольные (они всегда есть), но в целом, новый закон привёл к положительным результатам.

Спенсер приводит интересный пример: после введения в действие в приходе его дяди Нового закона о бедных (1834), люди, до сих пор толпившиеся у дверей пивных, вынуждены были найти какую-нибудь работу. Из 800 человек, составлявших население прихода, только 15 оказались непригодными к труду, тогда как прежде около 100 человек регулярно пропивали получаемое от прихода пособие по бедности. В результате, ежегодные налоги в пользу бедных этого прихода уменьшилось с 700 до 200 фунтов стерлингов, а благосостояние прихожан (включая и тех, кто раньше получал пособие по бедности) значительно возросло.

NB Спенсер очень просто объясняет, почему с распространением образования общественная нравственность не улучшается: образование побуждает желать многого из того, что совершенно недоступно для бедных людей. Отсюда происходит их недовольство действительностью; и чем они образованнее, тем сильнее это недовольство.

Исторически, только аристократы со средствами могли позволить себе не работать, а учиться. Позднее, были созданы возможности для получения образования и для талантливых выходцев из низших слоёв общества. Но когда образование стало доступным для всех, оно во многих случаях стало не только бесполезным, но и вредным. Не говоря уже о том, что государственные расходы на образование ложились тяжким бременем на плечи рядовых налогоплательщиков (бедняки от налогов были освобождены).

Законодатели, которые в 1833-ем году подавали голос за выделение 20 тысяч фунтов стерлингов на строительство новых школ, не предполагали, что этот шаг приведёт к новым поборам, которые пятьдесят лет спустя достигнут 6 миллионов фунтов стерлингов, – пишет Спенсер.

Видимо, есть вещи, которые не должны быть доступными для всех. Потому что такая доступность подрывает основы конкуренции между людьми. Конечно, несправедливо, когда право на образование определяется толщиной кошелька твоих родителей. Но и учить за счёт государства тех, кто не имеет ни желания, ни способностей для учения, ни возможности в дальнейшем применить свои знания на практике, – это тоже несправедливо (по отношению к рядовым налогоплательщикам). Истина, как всегда, лежит посередине между двумя крайностями.

Аналогичным образом, избирательное право должно быть доступно лишь для социально ответственных членов общества. Когда важнейшие государственные решения принимаются узким кругом профессиональных политиков, нередко игнорирующих мнение большинства избирателей, это вызывает справедливую критику, но это всё же лучше, чем кровавое насилие обезумевшей толпы. Вот почему многие англичане выступали за ограничение избирательного права, за необходимость имущественного и образовательного ценза. Человек, у которого есть свой дом, будет принимать более взвешенные решения, чем нищий оборванец, которому нечего терять. Люди, способные осмыслить прочитанное и хотя бы понять (если уж не принять) доводы тех, кто с ними не согласен, будут принимать более взвешенные решения, чем толпа дикарей. Как только избирательное право получили все, демократия прекратила своё существование: на выборах стали побеждать лишь те, кто может нанять квалифицированных политтехнологов, знающих, как управлять толпой.

! В условиях давления со стороны обладающей правом голоса массы, народные представители иногда голосуют за законопроекты, которые они признают по существу вредными, только потому, что этого требуют интересы партии или соображения предстоящих выборов. Таким образом, вредная политика поддерживается и усиливается даже теми людьми, которые сознают её вред, – пишет по этому поводу Спенсер.

Те люди, которые считают настоящий ход законодательства гибельным, молчат, находя бесполезным что-либо объяснять людям, находящимся в состоянии *политического опьянения*.

Спенсер выступает против всеобщего убеждения в необходимости правительственного вмешательства во всякую неурядицу, доказывая, что многое может быть сделано на местах в рамках частной инициативы без всякого вмешательства со стороны властей.

Неправда, что всякое зло может быть устранено. Вследствие несовершенства человеческой природы большинство зол может быть только перемещено из одного места в другое или превращено из одной формы в другую. Причём, от подобных перемен самое зло часто ещё более усиливается.

Пример из современности (2017): в США огромные государственные средства и ресурсы тратятся на борьбу с торговлей наркотиками. Если же разрешить их свободную продажу под контролем государства, то десятой части того, что сейчас тратится на борьбу будет достаточно для эффективного контроля за оборотом этого дурмана, потребление которого, я уверен, не увеличится, потому что число дураков в каждом государстве есть величина более или менее постоянная. Совсем не бороться с этим злом нельзя, но и тратить огромные средства на борьбу с ним неразумно: до тех пор пока есть спрос, будет и предложение... Истина, как всегда, лежит посередине между двумя крайностями.

Чем чаще повторяется правительственное вмешательство в общественную жизнь, тем более люди укрепляются в мысли о необходимости этого вмешательства и тем настойчивее они его требуют. Чем чаще повторяется правительственное вмешательство в

общественную жизнь, тем более люди укрепляются в мысли о том, что всё должно делаться для них и ничего ими самими. Однако всякое распространение политики правительственного вмешательства влечёт за собой дальнейшее увеличение численности правительственных чиновников. Сравнительно небольшая группа тесно сплочённых между собой чиновников, связанных одинаковыми интересами и действующих под руководством центральной власти, имеет огромное преимущество перед разрозненной массой публики, у которой нет определённой политики и которая может действовать единодушно лишь в редких, исключительных случаях. Когда организация бюрократии достигает известной степени развития, то борьба с ней становится невозможной.

Спенсер приводит по этому поводу прекрасный пример:

Возьмите весы с большим количеством дробин на одной чашке и с маленьким на другой. Затем берите дробинку за дробинкой из более нагруженной чашки и перекладывайте постепенно в менее нагруженную; таким образом вы достигнете, наконец, того, что обе чашки придут в равновесие; если же вы будете продолжать перекладывание дробин, то совсем измените положение весов. Предположим, что у этих весов плечи коромысла неодинаковой длины и что мало нагруженная чашка висит на более длинном плече. В этом случае перемещение каждой дробинки из одной чашки в другую будет производить гораздо больший эффект и изменение в положении весов наступит гораздо скорее...

Этот простой пример объясняет, почему борьба с бюрократией обречена на провал. Где же выход? Спенсер видит выход в решительном сокращении правительственных функций и в развитии частной инициативы. В Англии середины XIX века многие проблемы решались в результате инициативы "снизу", без всякого вмешательства или формального одобрения "сверху". Однако, чем шире становилась сфера деятельности правительственных органов (как в центре, так и на местах), тем реже люди проявляли инициативу: если я аккуратно плачу налоги государству, то я вправе ожидать от государства (в лице его чиновников) решения всех моих проблем: от чистоты в общественных туалетах – до безопасности железнодорожного транспорта.

Мы видим всё возрастающую потребность в административном принуждении и ограничениях, которые являются прямым следствием непредвиденных зол, причинённых предшествующими ограничениями. Всё возрастающее могущество административной организации сопровождается потерей в остальном обществе силы, необходимой для того, чтобы противодействовать дальнейшему росту этой организации.

Как и предвидел Спенсер, своего пика всемогущества бюрократии достигает при социализме, когда практически все общественные функции осуществляются непосредственно государством или под контролем государства.

Разнородные влияния содействуют развитию корпоративной деятельности и ослабляют деятельность индивидуальную. Социализм, в какой бы форме он ни проявлялся, заключает в себе рабство.

Как тут не вспомнить прекрасную книгу Алексиса де Токвиля (Alexis de Tocqueville) "Демократия в Америке" (*La Démocratie en Amérique*, 1835). Защищая демократию и осуждая тиранию, он, тем не менее, пишет в этой книге об угрозе "тирании большинства", потому что многие люди "предпочитают равенство при рабстве неравенству при свободе".

Кто бы ни был господин (одно лицо или целое общество), если помимо своей воли человек принуждён работать на общество и получает от государства только ту долю, какую государству благоугодно будет уступить, то он становится рабом общества. Социалистические порядки неизбежно ведут к порабощению.

Это было написано за сто лет до того, как мы, живя в условиях "развитого социализма", прочувствовали всё это на собственном опыте...

А вот что Спенсер пишет о колхозах (за пятьдесят лет до их появления):

При увеличении общественных тягостей дело легко может окончиться принудительной обработкой земли под контролем администрации. Каждый член общества, сам по себе, будет рабом общины как целого. Администрация в скором времени сделается совсем не такой, какой её желают видеть, а потому рабство будет далеко не мягким.

Вспомним сталинские трудовые лагеря...

NB Думают, что при социализме чиновник будет действовать именно так, как от него ожидают, чтобы он действовал, но в действительности этого никогда не бывает. Коммунистический механизм придётся строить из материала, какой имеется в наличии. А недостатки человеческой природы породят в будущем те же бедствия, какие существуют и теперь: властолюбие, эгоизм, несправедливость, недобросовестность... Частные общества будут разорены, частная инициатива подавлена. Возродится деспотизм. Дисциплинированная армия гражданских чиновников даст своему главе такую верховную власть, которой позавидовали бы абсолютные монархи средневековой Европы...

NB Вожди желаемой идеальной общины не будут затрудняться интересами справедливости. Случись что-нибудь вроде внешней войны или внутренней смуты, требующей вооружённой силы для её подавления, – и социалистическая администрация разом превратится в страшную тиранию, под гнётом которой масса народа, находясь в руках чиновничьей иерархии, живя под постоянным уличным и домашним надзором и работая для содержания правящих властей, сама будет получать едва одно только пропитание.

Это было написано за полвека до коллективизации сельского хозяйства в России. Сталин был тогда пятилетним мальчиком...

В истории можно найти немало примеров того, как легко глава конституционного государства избранный народом и облечённый доверием народа, может при помощи небольшого числа бессовестных заговорщиков парализовать значение представительного собрания и сделаться самодержавным.

Правительство порождено насилием. Причём, правящая власть становится тем более агрессивной внутри общины, чем она агрессивнее вне её. Не может нация осуществить блага справедливости в своей стране, если в чужих странах она поступает несправедливо... Правительственная мораль тождественна с законами войны.

Вот почему идеалом любого правительства является дисциплинированная армия.

Изучая по сочинениям Тэна и Токвиля состояние дел до Великой французской революции, мы видим, что эта страшная катастрофа произошла от чрезмерной регламентации человеческой деятельности в малейших её подробностях, – пишет Спенсер³.

Возможно, что советский режим рухнул по той же самой причине...

Убедившись в том, что и в наше время продолжают существовать не только внешние черты, но и принципы первобытного политического строя, созданного постоянным милитаризмом, реформаторы, возможно, не стали бы ожидать великих благ от всестороннего вмешательства правительства и стали бы больше доверять неправительственным организациям.

Считается, что необходимо очень долго учиться какому-нибудь ремеслу (например, ремеслу сапожника), но умение создавать законы для целой нации не требует никакой выучки (тот же сапожник может стать членом парламента). Между тем, законодатель, не обладающий достаточными познаниями, причиняет огромный вред. Достаточно бросить взгляд на историю законодательств, чтобы увидеть, насколько бедствия, причинённые невежественными законодателями, многочисленнее несчастных случаев, происшедших по вине невежд, бравшихся за лечение.

!!! По наблюдениям Джексона (вице-президента Общества законодательства), со времени статута Мертонна (1235) до конца 1872-ого года было принято 18110 законов, из которых 80% были затем отменены совершенно или отчасти. Конечно некоторые законы были отменены, потому что они устарели, но нет никакого сомнения в том, что в большинстве случаев эти законы отменялись потому, что они дали вредные результаты ... Необходимо систематическое изучение этих законов, которые в былые времена делали народ несчастным, хотя и имели целью составить его счастье.

Сегодня (1884) более, чем в какую бы то ни было отдалённую историческую эпоху, мы напрягаем свои силы для продолжения существования самых неспособных.

Спенсеру и в страшном сне не могли присниться нынешние (2017) расходы американского правительства на образование больных, умственно отсталых и просто неспособных учащихся. Если бы половина этих средств тратилась на учащихся со средними способностями, то обычный американский студент по своему умственному развитию оставял бы далеко позади большинство европейских выпускников университета. Конечно, соображения гуманности требуют помогать больным и несчастным, но, по мнению Спенсера, эта помощь должна быть основана на личной

---

³ Изучая предреволюционную Францию, Алексис де Токвиль (Alexis de Tocqueville) нашёл "множество понятий, которые раньше считал порождением Революции". Французы хотели создать "не только демократические, но и свободные учреждения" [NB: демократические – не всегда значит свободные], но покинули свою первоначальную цель и стали лишь "равными рабами" правительства более абсолютного, чем то, которое было низвергнуто. А "расположение, обнаруживаемое к абсолютному правительству, находится в точном соответствии с презрением, испытываемым к родной стране". Мысль – из всех граждан создать один класс – понравилась бы любому диктатору, – пишет Токвиль, – потому что "такая ровная поверхность облегчает дело управления".

инициативе, а не на государственном вмешательстве: "Разве не жестоко увеличивать страдания лучшей части человечества, чтобы уменьшить бедствия худшей его части?" – спрашивает Спенсер.

По мнению Гоббса, там, где не существует никакого договора, никакое действие не может быть несправедливым, потому что несправедливость есть не что иное, как неисполнение договора. Развивая мысль Гоббса о договорной природе государства, Спенсер утверждает, что никакое принуждение по отношению к гражданам не может быть справедливым, если оно не является необходимым для предупреждения прямых покушений, направленных к нарушению договора. В неоправданном ущемлении прав меньшинства Спенсер видит основу для сопротивления излишнему государственному вмешательству в частную жизнь людей. Каждое меньшинство может заявить: "Мы соединились с вами для определённой цели; мы отдали часть наших денег и нашего времени для достижения этой цели; во всех вопросах, касающихся достижения этой цели, мы согласились подчиняться воле большинства, но по другим вопросам мы на это согласия не давали. Если вы убедите нас примкнуть к вам с определённой целью, а потом задумаете преследовать иную цель, то этим вы нарушите договор между нами, и с этого момента мы более не связаны вашими решениями".

Спенсер не видит разницы между тиранией деспота и тиранией большинства:

Ничто не мешает большинству силой навязывать свою волю меньшинству, но если сила большинства служит ему оправданием, то и сила деспота, опирающегося на грозную армию, имеет своё оправдание.

Управление делами всякой ассоциации заключается в том, что члены её обязались подчиняться воле большинства для осуществления той цели, ради которой они вступили в сообщество, но не для каких-либо других целей.

Для каких же целей все члены общества согласились бы действовать совместно? Для оборонительной (но не наступательной) войны, для охраны жизни и свободы распоряжаться своей собственностью и для извлечения пользы из занимаемой территории.

Возникновение прав личности Спенсер связывает с переходом от принудительной кооперации между людьми (при военном или полувойском правительстве) к добровольному сотрудничеству:

Признание прав приобретает определённость лишь тогда, когда военный режим перестаёт быть постоянным и власть правительства уменьшается. Возможность добровольной кооперации между людьми зависит от выполнения договора – молчаливо подразумеваемого или ясно выраженного, а нарушение договора является косвенным насилием.

Нельзя достигнуть развитой промышленной кооперации, не пройдя через этап военного управления, которое путём дисциплины воспитывает упорство в усилиях и привычку организовываться для достижения больших результатов. Добровольная кооперация может заменить принудительную лишь постепенно.

В каждом фазисе социальной эволюции должна существовать гармония между практической деятельностью и верованиями (конечно, верованиями действительными, а не номинальными). Жизнь может продолжать своё течение только благодаря согласованию мыслей и действий.

Функция либерализма в прошлом заключалась в том, чтобы полагать пределы власти королей. Функцией либерализма в будущем будет ограничение власти парламентов.

NB Каждый идеал, как бы ни был он далёк от своего осуществления в настоящее время, всегда необходим как путеводная нить.

***

Герберт Спенсер не получил формального школьного образования, но именно с его трудами в области просвещения связывают начало той "революции" в педагогической мысли, которая имела место в англоязычном мире в 90-х годах XIX века.

Отец маленького Герберта заметил и старался всячески развить интерес своего сына к естественным наукам. Когда мальчику исполнилось 13 лет, отец отослал его на воспитание к своему брату. Суровая дисциплина дяди не понравилась Герберту, и он сбежал от своего воспитателя, пройдя пешком весь путь от Бата до Дерби (184 км!), почти без еды и практически без сна (в первый день он прошёл 48 миль, во второй – 47, а в третий – 20). Однако его отослали обратно, и в течение трёх лет он учился у домашних учителей под строгим контролем своего дяди. Сам Герберт Спенсер считал большой удачей то, что ему не пришлось поучиться в обычной школе, потому что более всего он ценил свою независимость и свободу выбора учебных предметов. По его мнению, традиционная система образования способствовала пассивному усвоению учебного материала вместо активной деятельности по самообразованию.

Просто удивительно, как мало изменилась обычная школа за прошедшие 150 лет!..

Я прочитал очень умную, хотя, признаюсь, довольно-таки скучную книгу Спенсера *Education : intellectual, moral and physical* (New York : A. L. Burt, 1861). Скучной мне эта книга показалась не потому, что она далека от моих интересов, а из-за особого стиля Спенсера. Стремясь быть правильно понятым, он углубляется во множество ненужных и несущественных деталей и даёт пространные и занудные объяснения вполне очевидным вещам, напоминая мне тех учителей, которые своим ученикам всё "разжуют и в рот положат", так что студентам остаётся только "проглотить" – а кому же приятно глотать жёванное другими?! Я читал эту книгу через сто пятьдесят лет после того, как она была написана. Многие из того, за что ратовал Спенсер, давно уже внедрено в практику преподавания и потеряло свою новизну и свежесть. Но многое сохраняет свою актуальность и по сей день.

"ОБРАЗОВАНИЕ : УМСТВЕННОЕ, НРАВСТВЕННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ"

Спенсер читал труды Джереми Бентама (Bentham) и был лично знаком с Джоном Стюартом Миллем (Mill). И, видимо, не случайно показателем ценности любого знания он считал, прежде всего, практическую полезность этого знания. Спенсер не поощрял образования ради образования, хотя и признавал, что изучение бесполезных предметов –

вроде латинского языка или древней истории – тоже может приносить удовольствие (и в этом смысле, в терминах утилитаристской этики, – оно тоже полезно!) Однако, прежде всего, образование нужно для чего-то, для какой-то практической цели, которая лежит вне образования...

Мне многое понравилось в этой книге. Например, убийственная правда об орнаментальной природе большинства наших знаний (мы часто учимся не для того, чтобы быть, а для того, чтобы казаться лучше, чем мы есть на самом деле) или его идея об относительной ценности знания.

Как жить? Как максимально использовать предоставленные нам жизнью ресурсы для достижения счастья – вот вопросы, на которые мы должны искать ответы, вот чему и вот для чего мы должны учиться. Что касается конкретных рекомендаций, то Спенсер выводит их, опять же, из практической целесообразности. Укрепление здоровья (самосохранение), добывание средств к существованию, воспитание потомства, стремление занять или удержать определённое положение в обществе, отдых и развлечения – вот, в основном, и всё, чем мы, обычные люди, занимаемся в течение всей нашей жизни; вот, в основном, и всё, чему нас должны учить в школе.

А между тем, и сегодня основы медицины и первой медицинской помощи, педагогика и психология семейной жизни, практические навыки в ремонте жилья и бытовой техники и т. п. – далеко не самые важные предметы в школьной программе. А родительство? Разрешим ли мы хирургу, который не знает основ анатомии, делать нам операцию на желудке? А между тем, 90% молодых родителей не имеют даже самых элементарных знаний в области педагогики... Гораздо больше внимания уделяется в школе "промыванию мозгов", чтобы власть предрержащим было легче нами управлять и, конечно, – развлечениям (с той же целью)...

Что касается методики преподавания, то и сегодня многие школьные учебники построены в направлении от словесных определений и правил к фактам и примерам, а не наоборот, хотя Спенсер ещё 150 лет назад писал, что давать ученику обобщения до того, как ему известны факты, которые обобщаются, – значит воспитывать в нём пассивное восприятие чужих идей, не возбуждая в нём никакого стремления прийти к общему правилу самостоятельно – наблюдая за частными примерами. А это приводит к тому, что многие невежественные люди даже и не догадываются о своём невежестве и составляют, говоря словами известного английского физика Фарадея, society "ignorant of its ignorance"...

Спенсер понимает, что достичь совершенства в системе образования невозможно, но из этого не следует, что к такому совершенству не надо стремиться. Стремясь к идеалу, пусть и заведомо недостижимому, мы можем достичь большего, чем без такого стремления.

И далее он формулирует 6 принципов, которые я мог бы считать и своими принципами.

Обучение должно строиться в направлении от простого – к сложному, от примеров – к правилам, от практики – к теории. А главное – нужно создавать у обучаемых иллюзию открытия: не сообщать им готовых результатов, а постепенно подводить их к тому, что

они сами обнаружат закономерность там, где, на первый взгляд, они имеют дело лишь с разрозненными фактами.⁴

Кое-что, впрочем, вызывает у меня сомнения. Например, исторический, а не функциональный подход к обучению. Для того, чтобы узнать, как работают механические часы, мне вовсе не обязательно знать, как люди измеряли время в Древнем Египте. Ну и, конечно, идея о том, что обучение должно доставлять ученику удовольствие. Я согласен с тем, что прочитанное с интересом лучше и легче запоминается и усваивается, но я категорически против превращения обучения в лёгкое и приятное развлечение, в игру. Учёба – это работа, порою – очень трудная работа, а трудная работа редко кому приносит удовольствие. Результаты этой работы – да, но не работа сама по себе. Превращение учёбы в занимательную игру, ни к чему не обязывающее развлечение, обесценивает образование – со всеми вытекающими отсюда последствиями как для общества, так и для личности... Забытой оказывается старая истина: *radix doctrinae amara est...* Корень учения горек – плоды сладки. Выбирая между курсами истории эстрадной музыки и геометрии, много ли учеников выберут геометрию?.. А какой из этих предметов имеет большую практическую ценность? Вопрос риторический...

Одна из самых замечательных идей Спенсера – мысль о том, что обучение должно быть в максимальной степени самообучением, а образование – самообразованием.

Никакая самая блестящая методика, никакие самые талантливые учителя и самые современные технические средства обучения не дадут хороших результатов, если ученик не способен, не умеет или не хочет работать.⁵

* * *

В возрасте 40 лет Спенсер опубликовал программу своих философских изысканий и всю вторую половину жизни посвятил разработке и развитию своей философской системы. В 1873-ем году Спенсер опубликовал свою книгу *Study of sociology*, а в 1896-ом году – *The principles of sociology*, и с тех пор он считается основоположником социологии как науки.

С философскими взглядами Спенсера я знакомился по его книге "Опыты научные, политические и философские". Три тома "Опытов" составлены из статей Спенсера, опубликованных в разные годы. Наиболее интересные работы в первом томе (1857): "Гипотеза развития", "Прогресс, его закон и причина", "Социальный организм", "Нравственность и нравственные чувства", "Сравнительная психология человека". Второй том (1868) очень скучный, его можно было вовсе не читать. С наибольшим интересом я прочитал третий том (1874), в котором собраны статьи Спенсера по этическим, социальным и политическим вопросам. В дальнейшие издания этого трёхтомника включены и более поздние работы философа. Например, статья "Нравственность и нравственные чувства" (1871) была позднее включена в первый том; статья "Абсолютная и политическая этика" (1890) – в третий и т. д.

ОПЫТЫ НАУЧНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ⁶

---

⁴ They should be *told* as little as possible, – пишет Спенсер, – and induced to *discover* as much as possible. Humanity has progressed solely by self-instruction; and each mind must progress somewhat after the same fashion.

⁵ Как справедливо замечает по этому поводу Спенсер, "though imperfections of nature may be diminished by wise management, they cannot be removed by it".

⁶ Герберт Спенсер. "Опыты научные, политические и философские". Минск : "Современный литератор", 1998.

Спенсер определял жизнь как непрерывный "процесс приспособления внутренних условий к внешним".

Все существующие виды, как животные, так и растительные, будучи поставлены в условия, отличные от их прежних условий, немедленно начинают претерпевать изменения в своём строении, приспособляющие их к новым условиям ... Развитие всякой способности – физической, нравственной или умственной – легко объясняется на основании того же принципа.

Дерево неизмеримо отличается от семени во всех отношениях – по величине, строению, цвету, форме, химическому составу. Различие тут до такой степени сильно, что нет возможности указать на какое-нибудь сходство между тем и другим. Однако в течение лишь нескольких лет одно изменилось в другое.

NB Если из одной клеточки в течение всего лишь двадцати лет может развиваться человек, то нет ничего нелепого в гипотезе, что в течение миллионов лет маленькая клеточка может дать начало всему человеческому роду.

Обиходное понятие о прогрессе сводится к тому, что все явления рассматриваются с точки зрения человеческого счастья: только те изменения считаются прогрессивными, которые прямо или косвенно стремятся к возвышению человеческого счастья.

Социальный прогресс видят в производстве большего количества и большего разнообразия предметов, служащих для удовлетворения человеческих потребностей, в лучшей защите личности и собственности, в расширении свободы действий. Между тем, социальный прогресс заключается в тех изменениях социального организма, которые обуславливают все эти последствия.

Органический прогресс состоит в постепенном переходе от однородного к разнородному.

А происходит это потому, что каждая перемена имеет своим следствием несколько перемен. Закон органического прогресса есть вместе с тем закон всякого прогресса ... Социальный прогресс – это не дело случая и не дело, всецело подчинённое человеческой воле. Прогресс – это благотворная необходимость.

Первый правитель сам изготавливает своё оружие и сам убивает свою добычу. В экономическом смысле он ничем не отличается от своих соплеменников.

Авторитет сильнейшего даёт себя чувствовать и в стаде животных, и в толпе школьников.

Человек рождается зверем. И если в нём не воспитывать человека, то он зверем и останется. Цель образования и воспитания и заключается в том, чтобы вытравить из него животное, звериное начало (в полной мере это никогда не удаётся...)

Большие семейства языков (как, например, индоевропейское) имеют общее происхождение. Но теперь индоевропейские языки стали различны между собой вследствие непрекращающегося их расхождения.

У древних вошло в обычай лирическую поэму петь, а эпическую – декламировать. С появлением и распространением музыкальных инструментов музыка получила существование, отдельное от слов.

Действие всегда бывает сложнее причины.

Каждому физиологу известно, что в период развития организма происходит не только обособление частей, но и слияние их ... В природе существует стремление к объединению частей с одинаковой функцией.

В человеческом обществе тоже.

NB В химии, *при равенстве других условий* постоянство соединений уменьшается по мере возрастания их сложности.

Наверное, не только в химии, но и в человеческом обществе...

! Обычные люди часто боятся науки, опасаясь, что истина может быть нехороша.

И часто бывает "нехороша". Большинство людей гораздо комфортнее чувствует себя, разделяя мифы и заблуждения себе подобных. Правда часто оказывается горькой и совсем не способствует человеческому счастью...

Элементы как внутреннего, так и внешнего мира в их происхождении и основной природе нам не ведомы. С этой точки зрения, споры материалистов и идеалистов – не более, чем война слов. Размышляя об истоках жизни на Земле, мы убеждаемся в ничтожности человеческого разума, который властен над всем, что можно проверить на практике, но бессилён во всём, что выходит за пределы опыта.

NB Сообщите членам какого-нибудь общества одинаковое положение и силу – и они тотчас же станут стремиться к неравенству.

Истина, лежащая в основе всякого прогресса заключается в том, что условия неоднородности – это условия неустойчивого равновесия, при котором любой значительный внешний толчок нарушает установившийся порядок.

В природе, нарушение первоначального равновесия приводит или к разложению органических соединений, или (как это чаще бывает) к изменению их (в этом случае перемены не разрушают органические соединения, а только видоизменяют их). Иными словами, под воздействием внешнего воздействия органические соединения должны или разложиться или претерпеть изменения, то есть *приспособиться* к новым условиям.

То же происходит и в человеческом обществе. Хотя понять общественные процессы бывает трудно. И ещё труднее – управлять ими.

Из машин, построенных, насколько это возможно, точно по единому образцу, не найдётся и двух, действующих совершенно одинаково; каждая будет иметь свои особенности – это факт, известный любому механику.

Что уж говорить о людях!

Если мы найдём череп какого-нибудь четвероногого размером со слона, то мы можем с большой долей уверенности предположить, что ноги этого животного были значительной величины ... Но признавая прямые физиологические соотношения необходимыми, мы рискуем отнести к ним и такие, которые не имеют этого характера.

NB Наблюдатели с древнейших времён обращали внимание на аналогию между индивидуальными организмами и организмом социальным. И хотя современная наука не сочувствует древним понятиям об этой аналогии, она всё более признаёт, что такая аналогия *существует*. Общие основания развития и устройства, обнаруживающиеся во всех организованных телах, проявляются и в обществах.

Для процесса развития животного организма характерна не только дифференциация, но и интеграция. В социальном организме можно заметить ту же самую двойственность процесса. Физиология и социология более или менее объясняют одна другую.

! Без преждевременных обобщений мы никогда не дошли бы до истинных обобщений. Если бы для того, чтобы формулировать закономерности мы дожидались, пока *все* факты будут собраны, накопившаяся масса неорганизованных фактов была бы так велика, что мы не смогли бы с нею справиться.

Эпоха, когда строили теории, не заботясь о наблюдении, сменилась эпохой, когда стали наблюдать, не помышляя о теории. Но в настоящее время (1857) и в естественных, и в общественных науках мы можем заметить стремление перейти от поверхностного наблюдения к глубокому анализу. В развитии каждой науки правильная теория является предпосылкой к правильному наблюдению.

Строение и отправление должны по необходимости гармонизировать между собой.

Структура предопределяется функцией.

Дикарь, не имея ещё склонности к приобретению, тем не менее, в состоянии чувствовать привязанность, ревность и любовь к одобрению, – пишет Спенсер, – предполагая на этом основании, что чувство, удовлетворяемое собственностью, складывается из других чувств, более простых и глубоких. Каждый акт приобретения непременно предполагает приятные ассоциации и таким образом доставляет удовольствие независимо от удовлетворения цели для которой служит.

Спенсер не объясняет, почему "каждый акт приобретения предполагает приятные ассоциации". Я вижу этому довольно простое объяснение: стремление к собственности – это одно из самых глубинных стремлений человека, которое базируется на инстинкте размножения. Первобытные люди мало отличались от животных, и физическая борьба за самку составляла основное содержание того, чем они занимались в свободное от охоты время. Разумеется, что самые сильные самцы могли заявить своё "право" на любую самку (и отстоять его в открытой схватке). Это "право" и лежит в основе чувства собственности. В добавление к этому, даже на ступени первобытной дикости людям необходимо было заявить свои "права" на территорию для охоты... Если разобраться, то выяснится,

что современный человек, который разительным образом отличается от первобытного дикаря по форме, мало отличается от него по существу. Единственное существенное отличие заключается в том, что современный человек отстаивает свои "права" на определённую самку и на определённую "территорию для охоты" с помощью денег и подарков, а не с помощью грубой физической силы (впрочем, и последнее не исключается...) Принципиальное же отличие современного человека от сексуально озабоченного дикаря заключается, наверное, лишь в том, что цивилизованный человек может испытывать удовольствие от обладания деньгами и вещами, которые никак или почти никак не связаны с борьбой за продолжение рода. Впрочем, и эти люди не составляют большинства. Большинство по-прежнему борется за свои "права" на самку и на "территорию для охоты"...

Новые эмоции развиваются из новых привычек жизни. Дикари, стоящие на самой низкой ступени развития, не имеют никакой идеи о справедливости и милосердии. У них нет способности воспринять эти идеи. В их языке даже нет слов для выражения этих идей.

Достаточно оглянуться на окружающие нас перемены, чтобы убедиться, что в основе этих перемен нет ничего сверхъестественного и они не определяются волею каких-либо личностей, как это стараются доказать историки, а проистекают из общих естественных причин ... Вся наша промышленная организация возникла из различных человеческих нужд... Черты нашего общественного строя возникли не по мысли какого-либо индивида, а из личных усилий граждан, стремящихся удовлетворить их собственные потребности.

Распоряжения представительных правительств состоят в конечной зависимости от воли нации. Они могут на время расходиться с этой волей, но в конце концов должны сообразоваться с нею.

Даже там, где существует деспотическое правительство, характер народа есть первоначальный источник политической организации. Монарх бессилён изменить тип управляемого им общества. Он может временно нарушить, задержать естественный процесс организации или помочь ему, но над общим ходом процесса он не имеет власти.

Общественные изменения, которые можно непосредственно приписать личностям, одарённым необыкновенной силой, надо относить к социальным причинам, породившим эти личности.

Взаимная функциональная зависимость частей обнаруживается в животных и растениях едва ли не менее явно, нежели в государствах ... Аналогия между экономическим разделением труда и "физиологическим разделением труда" так разительна, что давно уже привлекла внимание естествоиспытателей.

Государство должно существовать единственно только для блага граждан.

Если сказать "для блага большинства граждан" (потому что невозможно удовлетворить потребности всех граждан), то с этим, наверное, никто не будет спорить. Но что есть благо граждан и как оно должно быть обеспечено – на эти вопросы есть много различных (часто противоположных) ответов.

Когда число людей, соединившихся в одно общество, становится значительным, неизбежно устанавливается какой-нибудь процесс обмена и распределения.

NB В странах, в которых цивилизация ещё только начинается, *нет дорог*.

В первобытных обществах люди наиболее сильные, храбрые и сообразительные делаются вождями и правителями, которые не только сами устанавливают законы, но и собственноручно исполняют приговоры. По мере того, как государственные функции дифференцируются, уже нет необходимости в том, чтобы вождь превосходил всех силой и отвагой. Главное условие для него состоит теперь в обладании хитростью, предусмотрительностью и "ловкостью" в управлении другими. При этом увеличивается роль советников, которые с самого начала стремятся к приобретению некоторой власти над правителем.

Головной мозг занимается не прямыми впечатлениями извне, а представлениями этих впечатлений: вместо действительных ощущений, производимых в теле, головной мозг получает только представления этих ощущений, и сознательность его называется представительной.

Хороший мозг есть такой, в котором желания, соответствующие различным интересам, уравновешены. Так и в хорошем парламенте все партии уравновешены.

Если писатель, обсуждающий спорные вопросы, будет поднимать все бросаемые ему перчатки, то полемические статьи отнимут у него слишком много сил.

NB Если общая доктрина, касающаяся в высшей степени сложного класса явлений, могла бы быть вполне удовлетворительно выражена в нескольких строках письма, то незачем было бы писать книги.

Из письма Спенсера к Джону Стюарту Миллю:

Наука о нравственности состоит в том, чтобы из законов жизни и условий существования вывести заключение о том, какого рода действия должны неизменно давать счастье (или несчастье).

Прогресс цивилизации, необходимо состоящий из последовательного ряда компромиссов между старым и новым, требует постоянного обновления и идеалов и практики социального строительства. Если правда, что чистая справедливость предписывает порядок вещей, слишком хороший для людей с их несовершенствами, то не менее правда и то, что обыденная практичность сама по себе не стремится создать лучшего порядка вещей, чем тот, который существует.

Лучшего, надо понимать, – в духовном отношении, потому что в материальном отношении "обыденная практичность" постоянно стремится создать нечто лучшее, по сравнению с тем, что уже существует.

! В обычае сжигать еретиков на костре мы видим доказательство того, что в те времена слова "хорошо" (right) и "плохо" (wrong) значили немного больше, чем повиновение или неповиновение правителю.

Чувства, побуждающие и сдерживающие людей, и теперь в значительной мере состоят из тех же элементов, которые влияют на дикаря: то есть из страха, соединённого с идеей порицания, и из удовлетворения, соединённого с идеей одобрения ... С развитием цивилизации развивались и чувства альтруистические. Самое сложное из альтруистических чувств – чувство справедливости.

Общий обзор всегда полезен при основательном изучении предмета. Изучение какой-либо отдельной части предмета вне связи с остальными его частями ведёт к неверным понятиям. Целое не может быть понято правильно без некоторого знакомства с его частями, и ни одна часть не может быть понята правильно вне её отношения к целому.

Некоторые люди, несмотря на высокую степень их умственного развития, не производят впечатления на окружающих, тогда как другие – говоря даже самые обыкновенные вещи, высказывают их так, что действуют на своих слушателей с силой, непропорциональной сказанному. Замеченное тут различие в большинстве случаев должно быть приписано "естественному языку эмоций".

Согласно известному физиологическому закону, чем выше организм, тем более времени требуется ему для завершения своего развития ... Восходя по лестнице животного царства, мы замечаем постоянное возрастание способности воспринимать новые впечатления и извлекать пользу из этих новых приобретений.

Между высшими и низшими человеческими расами замечается подобный же контраст. Многие путешественники говорят о неизменности обычаев дикарей. Полуцивилизированные народы Востока и теперь ещё отличаются более суровой непреклонностью обычая, нежели более цивилизованные народы Запада. История самых цивилизованных народов нашего времени показывает нам, что и у них в прежние времена изменчивость идей и привычек была значительно меньшей, чем теперь.

Люди низшего типа не в состоянии удержать своего внимания долее нескольких минут ни на чём, что требует мысли ... Повсюду у низших рас было замечено отсутствие разумной любознательности.

Мы ленивы и не любопытны (Пушкин)...

Профессор Морлей обращает внимание на тот факт, что в течение семи веков древней английской истории "лучшие гении Англии выходили из той местности, в которой кельты и англосаксы жили вместе".

Некоторые из дикарей совсем не поддаются управлению, тогда как другие, стоящие ничуть не выше их по степени своего развития, не только подчиняются стеснению, но ещё и смотрят с благоговением на людей, налагающих на них эти стеснения.

Интересно, связано ли это с географическими факторами? Горцы, всегда готовые к борьбе, традиционно считаются неуправляемыми; степные кочевники склонны не только подчиняться деспоту, но и боготворить его; лесные жители предпочитают бежать и прятаться, нежели вступать в борьбу или подчиняться.

Альтруистические чувства, появляясь позже в развитии человечества, представляют самые высокие из доступных ему чувств.

Альтруистические чувства трудно объяснить в терминах утилитаристской этики. Однако многие люди способны испытывать удовольствие, доставляя удовольствие другим людям. Впрочем, потребность в таком удовольствии легче удовлетворяется, когда наша забота направлена на домашних животных, а не на людей. Как говорил Марк Твен, если вы накормите голодную собаку, то она вас, скорее всего, не укусит; этим собака отличается от человека...

Знание взаимных отношений между характерами людей и характерами составляемых ими обществ должно глубоко повлиять на наши представления о политических порядках. Коль скоро взаимозависимость природы личности и общественного строя понята правильно, такое понимание благотворно влияет на наши представления об общественных переменах. А душевное развитие индивида может в таком случае быть понята как процесс его приспособления к общественным условиям.

Желток только что разбитого яйца не подаёт не только признаков сознания, но даже и просто признаков жизни. А цыплёнок, вылупившийся из яйца, может бегать, различать и клевать пищу, пищать при ушибах. В какой момент появляется сознание?

От неразумности ребёнка до разумности взрослого развитие идёт столь малыми шагами, что нет никакой возможности заметить, в какой день ребёнок стал проявлять больше сознательности сравнительно с предшествующими или последующими днями.

!!! Паразитов по числу видов больше, чем всех других животных, вместе взятых.

Факты видоизменения структуры, вызванного видоизменением функций, были замечены давно. Но тот факт, что такие изменения могут быть передаваемы по наследству, признавали немногие. В настоящее время (1886) старые гипотезы, вытесненные теорией Дарвина, преданы такому полному забвению, что большинство читателей едва ли и знают об их существовании, а потому – не могут в полной мере понять, насколько успешны объяснения Дарвина по сравнению с безуспешными попытками предшествующих объяснений.

По мере того как возрастает число духовных и телесных способностей, поддержание жизни становится в меньшей степени зависимым от силы какой-нибудь одной способности, но в большей степени – от комбинированного действия всех способностей.

Из "Происхождения видов" Дарвина:

"Всякого рода перемены в условиях существования, даже чрезвычайно лёгкие, часто бывают достаточными, чтобы обусловить изменчивость ... Два-три поколения должны подвергаться влиянию новых условий, прежде чем станет заметным какой-либо эффект".

А в общественной жизни мы почему-то ожидаем немедленных изменений!

"Вся организация представляет такую тесную связь во время своего роста и развития, что если совершится лёгкое изменение в какой-либо одной части, которое усилится благодаря естественному отбору, то и другие части тоже подвергнутся изменению".

В наши дни (1886) многие естествоиспытатели являются дарвинистами в большей степени, чем сам Дарвин.

Известно, что сам Дарвин с большой осторожностью относился к расширительному толкованию его теории и часто говорил, что он "сторонник теории Дарвина, но не дарвинист".

В природе возрастающая сложность условий существования организма сопровождается возрастающей сложностью строения организма.

То же, по-видимому, можно сказать и о человеческом обществе.

Наиболее приспособленный организм обладает большей, чем другие организмы данного вида, способностью поддерживать равновесие своих жизненных отправления.

В биологии непрерывное давление на какую-либо часть поверхности вызывает атрофию, между тем как перемежающееся давление вызывает рост.

Это наблюдение может оказаться ценным для любого руководителя.

Современные (1886) биологи в общем согласны между собой в том, что при современном состоянии земной поверхности не бывает случаев возникновения органического существа из неорганической материи. Тем не менее, они не отрицают, что в давно прошедшие времена, когда температура земной поверхности была гораздо выше, органические вещества могли естественным образом возникать из неорганической массы.

NB Для процесса развития имеют значение три фактора: наследственность, изменчивость и внешнее влияние; если какой-нибудь из этих факторов отсутствует, то процесс прекращается.

Возможны ли значительные перемены в России, которая отторгает внешнее влияние, не желает изменяться и обладает дурной "социальной наследственностью"?

Наука есть организованное знание.

Замечено, что спорить между собой могут только люди со сходными взглядами. Ср. замечание Спенсера о том, что его (Гегеля) точка зрения стоит столь далеко от научной, что "нелегко найти общее основание для критики".

Способность определять размеры результата, недоступного прямому измерению, предполагает знание того, что отдельный факт, с которым мы имеем дело, есть проявление некоторого более общего закона.

Обыденное познание большей частью индуктивно (от фактов – к закономерностям), научное познание в значительной мере дедуктивно (от закономерностей – к фактам):

Из общепринятого факта, что умственный процесс идёт от конкретного к абстрактному, от частного к общему, вовсе не вытекает, что всеобщие и, следовательно, самые простые истины должны открываться после всех.

Наука есть усовершенствование обыкновенного знания, приобретённого с помощью невооружённых приборами чувств и необразованного разума.

Наука и знание необразованного человека сходны по природе своих предвидений, как бы широко они ни различались по их степени.

Наука есть предвидение, – пишет Спенсер. – Эта мысль мне чрезвычайно близка. Я полагаю, что научный анализ не имеет самостоятельной ценности, а является только первой ступенью к синтезу. Для чего химик анализирует строение вещества? – Для того, чтобы научиться синтезировать вещества с заданными свойствами. Для чего литературовед анализирует литературное произведение? – Вопрос "на засыпку"...

Прогресс науки аналитичен и синтетичен в одно и то же время ... Историческое развитие наук не совершалось последовательным порядком. С самого начала науки находились в тесном и непрерывном взаимодействии. От фактов конкретных переходили к абстрактным, а затем факты абстрактные прилагали к анализу новых классов конкретных фактов.

В основе любой классификации лежит познание сходства и различия ... Классификация есть группировка подобных *вещей*. Умозаключение есть группировка подобных *отношений* между вещами.

Хорошие законы – это законы, сообразные с условиями устойчивости общества.

Я понимаю это так, что хорошие законы не препятствуют изменениям, но эти изменения не должны приводить к революционному разрушению общества. Мне близка мысль Карлайла о том, что понятия "революция" и "закон" несовместимы, всякая революция – это узаконенное беззаконие.

Цель социологии ("самой запутанной из наук") Спенсер видит в предвидении общественных явлений.

Если законы социологии ещё не обнаружены, это не значит, что их нет, это значит, что до настоящего времени законы эти ускользали от наших средств анализа.

Ни одна из наук не развивалась отдельно от других. Ни одна из них не является логически или исторически независимой.

Хотя идеи и влияют на общество и на его дальнейший прогресс, однако это влияние зависит от способности общества эти идеи воспринять.

NB Идеалом, к которому мы идём, является общество, в котором социальная жизнь будет преследовать только одну цель – обеспечение свободного развития индивидуальной

жизни; общество, в котором *управление* будет сведено к минимуму, а *свобода* достигнет наивозможной широты.

Увы, такое общество предполагает, что все члены общества будут добровольно соблюдать законы. А такого никогда не было и никогда не будет. Ср. у Спенсера: "стремление к изменению прекратится только тогда, когда каждый будет соблюдать закон, гарантирующий всем равную свободу". Но даже если теоретически предположить, что такое общество в отдалённом будущем будет создано, это будет означать остановку в развитии и смерть общества: "стремление к изменению" прекратится... Ср.:

Равновесие есть конечный результат превращений, претерпеваемых каждым развивающимся агрегатом. Изменения в нём продолжаются до тех пор, пока не установится равновесие. Прежде чем установится окончательное равновесие, могут быть переходные стадии уравновешенных движений (как в Солнечной системе). Неизбежным пределом изменений, в которых заключается эволюция, в органических телах является смерть.

Состояние покоя предполагает равновесие сил. Это относится и к обществу.

Органическая и социальная эволюция подчиняется одному и тому же закону.

Часто случается, что знакомство с противоположной системой даёт мыслителю возможность полнее развить свои собственные идеи.

Основные положения философии Спенсера в самой краткой форме изложены в его работе "О причинах разногласия с философией Конта" ("Добавление А").⁷

Спенсер о своей полемике с Миллем:

! Жалею, что мне пришлось возражать против доктрины того мыслителя, солидарностью с которым я больше всего дорожу.

Доброкачествование сочинения гораздо менее зависит от знания каких-либо законов, нежели от упражнения и естественной способности. Светлая голова, живое воображение и чувствительное ухо делают ненужными все риторические правила.

Эмерсон в одном из своих опытов замечает: То, что природа в одно время производит для пользы, она обращает впоследствии в предмет украшения. То же замечание может быть распространено и на развитие человечества. Здесь также предмет пользы одной эпохи становится предметом украшения для последующей.

Существенное предварительное условие всякой красоты есть контраст. Поэтому вещи и происшествия близкие к нам, которые не представляют значительного контраста с нашими ежедневными представлениями, являются *относительно* невыгодным сюжетом для искусства.

---

⁷ Стр. 619-622 указ. изд.

Многие люди считают, что красота характера и внешняя красота не имеют между собой соотношения. Но, несмотря на свою теорию, они продолжают выражать удивление при виде низкого поступка, совершённого человеком с благородным выражением лица.

Люди обычно приписывают красавцам и красавицам самые лучшие душевные качества. И хотя в действительности часто бывает наоборот, это заблуждение обнаруживает удивительное постоянство. Преступники с приятной внешностью получают более мягкие приговоры, девчонки с симпатичным личиком легче получают хорошие оценки в школе. И часто, к сожалению, очень часто красивая и жестокая шлюха добивается в жизни большего, чем трудолюбивая девушка с невзрачной внешностью, а пустой, но симпатичный бездельник пользуется у женщин большим успехом, чем умный и добрый труженик, которого природа обделила внешними данными.

Я знаю, – говорит Спенсер, – что великие натуры нередко скрываются за простыми лицами и что прекрасная наружность часто скрывает мелкую душу. Но эти аномалии не более нарушают общую истинность закона, чем возмущения планет нарушают общую эллиптичность их орбит.

По мнению Спенсера, низкий лоб, выдающиеся челюсти и крупные скулы – это три главных элемента безобразия, которые положительно говорят о низшей степени умственного развития.

Идеал человеческой красоты мы находим в изваяниях греческих богов.

Китайцы, африканские негры и папуасы Новой Гвинеи могут, однако, с этим не согласиться...

Формы и качества потомства составляют не середину между формами и качествами родителей, а смесь этих форм и качеств. Все цивилизованные расы имеют смешанное происхождение. Эта разнородность организации кажется мне главной причиной тех несообразностей между наружностью и свойствами людей, которых мы ежедневно встречаем, – пишет Спенсер.

Между тем, именно смеси часто порождают самых привлекательных в физическом отношении людей. Скотоводы давно установили, что смешение пород часто даёт отличные результаты.

! Существует родство между политическим недовольством и пренебрежением к обычаям. "Красные республиканцы всегда отличались своей растрёпанностью".

NB То же чувство, которое внушает сопротивление деспотизму правителей, внушает и сопротивление деспотизму общественного мнения.

Пренебрежение установленными общественными приличиями всегда сопровождало политические революции. Там, где гражданская власть была слаба, размножение воров и убийц означало близость разложения общества.

Люди, которые терпеливо сносят один род стеснений, будут, вероятно, сносить терпеливо и другой. А люди, которые не подчиняются стеснению вообще, будут стремиться выразить своё сопротивление во всех направлениях.

Связь между политической независимостью и независимостью личного поведения не есть явление, свойственное исключительно нашему времени ... Демократия как у нас, в Англии, так и в чужих краях стремится к личным особенностям.

Есть класс людей, упорно держащихся за всё старое. И есть люди, столь поклоняющиеся прогрессу, что любая новизна признаётся ими за улучшение. Одни люди, готовы всегда преклоняться перед существующей властью, другие – от всякой власти требуют объяснения причины её существования...

Так как люди сильные, люди преуспевающие, достигнувшие высших ступеней в обществе, должны оказаться более рассудительными в своих привычках и вкусах, то подражать им полезно.

Очень спорная мысль. Люди, достигшие высших ступеней в обществе, далеко не всегда оказываются "более рассудительными в своих привычках и вкусах".

Вместо постоянного движения к большему изяществу и удобству мы видим царство каприза, перемен ради перемен, суетных колебаний от одной крайности к другой.

Одна из причин такого положения вещей – подражание людям, "более рассудительным в своих привычках и вкусах" и достигнувшим высших ступеней в обществе. Рыба гниёт с головы...

NB Реформаторы протестуют не против естественных ограничений, а против искусственных. Они требуют такой же свободы, какой пользуются власть имущие.

! Люди – рабы, и не сознают этого. Они всю свою жизнь прожили в тюрьме и теперь жалуются, что стены её рухнули. Когда они немного успокоятся от страха, причинённого им перспективой свободы, они будут благодарить реформаторов за то, что те помогли им освободиться.

Звучит так, как будто это было написано в России в 1991-ом году!

Искусственные приличия, по мере того как они становятся многочисленнее и строже, губят то приятное общение, которое они первоначально имели целью.

NB Нет организации какого бы то ни было рода – политической, религиозной, литературной, филантропической, – которая путём своих постоянно умножающихся постановлений, возрастающего богатства и ежегодного увеличения числа служащих не потеряла бы мало помалу своего первоначального смысла.

Протестантизм в общественных обычаях необходим. Формы, переставшие служить для облегчения и ставшие препятствием, должны быть уничтожены.

! Он ожидал, что оскорбятся глупцы, а не умные люди, Но оказалось, что глупцы составляют такое значительное большинство, что, оскорбляя их, он загораживает себе все пути к одобрению со стороны умных людей.

Наш [английский] образ правления до того приучил нас к решению всех общественных вопросов приговором большинства, что в большей части умов выработалась беспрекословная вера в *беспредельность власти* большинства.

Говоря о "большинстве" Спенсер имеет в виду не большинство *народа*, а большинство *избирателей*. Следует помнить, что и десять лет спустя после 1854-ого года, когда была написана эта статья ("Нравственность и политика железных дорог"), избирательным правом в Великобритании обладали только наиболее образованные и материально обеспеченные мужчины. В 1865-ом году в Англии и Уэльсе было больше пяти миллионов взрослых мужчин, но только 20% из них имели право голоса на выборах в парламент.

Человека, соединяющегося для чего бы то ни было с другими людьми, никоим образом нельзя, не нарушая справедливости, вовлекать в действия, совершенно чуждые той цели, для которой он объединился с ними. Меньшинство может с полным основанием заявить: "Мы соединились с вами для определённого дела; в вопросах из него возникающих, мы обязались подчиняться воле большинства. Но мы не обязывались подчиняться воле большинства во *всех* вопросах. Если вы нас привлекаете к себе с определённой целью, а затем предпринимаете что-нибудь другое, о чём мы не договаривались, то мы уже не считаем нужным подчиняться вашим решениям" ... Акционерам, не одобряющим какой-либо из добавочных проектов, могут сказать, что они могут продать свои акции и выйти из общества. Но точно так же можно было бы сказать не желающим принять новое верование, ставшее официальной религией государства: если оно вам не нравится – вы можете уехать из страны.

Новые системы устанавливаются в большей или меньшей степени по старым образцам. При постройке первой железнодорожной линии колея железнодорожного пути определялась шириною хода почтовой кареты. Не так давно пассажирский багаж, покрытый брезентом, помещался (как в карете) на крыше вагона.

! Что есть общего между космическим кораблём и лошадиной задницей? Для того, чтобы доставить первый космический корабль к месту старта, нужно было проехать через тоннель. Ширина тоннеля определялась шириной железнодорожной колеи. Ширина первой железнодорожной колеи определялась шириной почтовой кареты. Максимальная ширина почтовой кареты определялась в две лошадиные задницы (при попытках сделать карету шире колёсные оси часто ломались)...

Отсутствие добросовестности, которое проявляется в подмешивании крахмала в какао, жира – в масло, в окрашивании кондитерских изделий свинцовыми солями или мышьяковыми соединениями, должно проявляться и в более скрытых формах.

Другими словами, крупный бизнес обманывает нас по крупному, но так, что мы этого не замечаем.

NB Всякий дурак может продать то, что требуется, – говорил один хозяин своему приказчику. Искусство торговли заключается в том, чтобы уговорить покупателя купить и то, что ему совсем не нужно.

NB Строгая честность несовместима с коммерцией.

Новый вид мошенничества вводится всегда каким-нибудь крайне недобросовестным торговцем. Мало-помалу его примеру следуют и все другие лавочники. Если самые честные из них будут вести дело со строгой добросовестностью, то они не выдержат конкуренции с более "ловкими" торговцами. Таково положение мелкого купца, и было бы жестоко произносить над ним слишком строгий приговор ... Крупным купцам удаётся приобрести связи, которые обеспечивают им клиентуру и дают им возможность вести дело без мелкого надувательства.

Директор, который отдаёт капиталы пайщиков банку, в котором он не стал бы хранить свои собственные деньги, не может быть обвинён в прямом воровстве, но может быть обвинён в воровстве косвенном.

Только дурак проделал бы такую операцию без личной выгоды (читай – взятки). Но на практике, почти невозможно отличить добросовестное заблуждение дурака от намеренного обмана, совершённого умным взяточником.

Мы не имеем никакого основания предполагать, что промышленный класс по природе своей хуже других классов ... Чем подкуп служащего корпорации хуже подкупа избирателей на выборах?

За последние 30 лет (1824-1854) число случаев простого, прямого обмана непрерывно уменьшалось. Но случаи косвенного обмана непрерывно возрастали, как в числе, так и в разнообразии.

До тех пор, пока быть честным служащим будет в том или ином отношении выгоднее, чем быть взяточником, лихоимство не будет истреблено.

Нравственные преграды изменяются в зависимости от ясности, с какою человек представляет себе дурные последствия своего поступка. Многие из тех, кто не решился бы украсть кошелек из чужого кармана, не задумываясь, прибегают к фальсификации своих товаров или участвуют в сомнительных операциях акционерных банков.

Я давно заметил, что мелкий обман часто раздражает рядового потребителя больше, чем крупный обман. Если вас обсчитал официант в ресторане или кассир в магазине, вы будете искренне возмущаться. Но если президенты крупнейших авиакомпаний тайно договорятся о единых ценах на авиабилеты, вы этого можете и не заметить...

Приобрести богатство – это самый лёгкий способ приобрести уважение.

Но вот лёгкого способа приобрести богатство не существует...

С одобрением или нет, но мы все починаемся установившимся понятиям. Богачи добиваются уважения, может быть, и неискреннего, но, по своим внешним результатам, вполне действительного.

Преклонение общества перед богатством есть главный источник бесконечных в своём разнообразии безнравственных поступков.

Уважение к тем, кто разбогател бесчестным путём, поощряет нравственную испорченность общества.

Абсолютно честных людей нет вообще, или их ничтожно мало. Безнравственным мы считаем того приобретателя, который приобретает больше, чем мы. Ср. более глубокое замечание Спенсера:

NB В применении к людям и обществу, как они есть, требования абсолютной нравственности невыполнимы. Мы должны приспособлять законы к существующему характеру человечества, составить себе кодекс, приспособленный к условиям настоящего времени.

Если то отвращение, которое обнаруживается теперь обществом по отношению к прямому воровству, будет проявляться по отношению ко всем видам косвенного воровства, то исчезнут все пороки промышленного мира.

"И сам промышленный мир", – добавил бы я. Впрочем, и Спенсер не питает на этот счёт иллюзий: "Мы мало надеемся на улучшение общественного мнения", – пишет он.

Вряд ли можно надеяться, чтобы люди когда-нибудь научились отличать богатство, приобретённое в результате личного превосходства, от богатства, приобретённого другими способами.

Посредственные личности богачами не становятся. Таким образом, любое богатство есть результат "личного превосходства". В этом, наверное, и состоит секрет того уважения (искреннего или неискреннего), которым пользуются в обществе богачи. Даже унаследованное от родителей богатство есть показатель "личного превосходства" (не наследников, но их родителей). Лишите богачей права передавать их имущество по наследству – и всякая деловая инициатива, если и не исчезнет совсем, то самым существенным образом сократится.

Правительство, защищая граждан от убийства и грабежа, должно поддерживать свободу торговли. Оно не может стеснять свободу обмена, не становясь притеснителем вместо защитника.

Если бы всякого рода стеснения немедленно уничтожались бы, как только в них отпала необходимость, то огромное их число было бы уничтожено и "громкая масса страданий" была бы предотвращена.

Там, где сумма преступлений слишком велика, справедливое обращение с преступниками "затруднительно".

NB Неприменимость справедливой уголовной системы к варварским народам столь же очевидна, как и неприменимость к ним справедливой формы правления. Как ни вреден деспотизм, но там, где единственной его альтернативой представляется анархия, анархия принесла бы больше вреда, чем деспотизм.

NB Долговременное одиночество порождает в людях такой эгоизм, что даже хорошо настроенных людей делает совершенно неспособными переносить по возвращении домой обычные тяготы домашней жизни.

Капитан Мэконочи разработал "марочную" систему содержания заключённых. Дневная порция пищи и другие припасы не должны даваться заключённым *даром*, но только в обмен на заработанные *марки*. Свой неизменный принцип "за ничего не давать ничего" Мэконочи применил даже к больнице и похоронам.

Каждый арестант должен уплачивать государству всю стоимость его содержания в тюрьме.

Этот принцип кажется справедливым, но воплотить его в жизнь в широких масштабах едва ли возможно. Расходы по организации производства и по принуждению заключённых к труду могут оказаться выше, чем расходы на их даровое содержание.

Чрезмерное наказание порождает не раскаяние, а ненависть.

! Если бы на островах Фиджи кто-либо из племени рабов, которые рассматривали себя как корм для своих хозяев, высказал мысль, что настанет, может быть, время, когда люди не будут пожирать друг друга, то эта мысль была бы признана годной только для сумасшедшего мечтателя. Аналогичным образом в феодальную эпоху мысль о мирном социальном сосуществовании показалась бы смешной.

В наше время развилась способность понимать, что там, где люди живут в тесном соприкосновении, взаимные ограничения необходимы.

Абсолютная этика представляет собой идеал, в действительности неосуществимый. Но из этого не следует, что к этому идеалу не надо стремиться.

Как мало значения имеет моя личная вера в свою правоту! Оглядываясь на прошлое, я вижу целые нации, секты, вижу богословов и философов, твёрдо уверенных в истинности своих научных, нравственных, политических, религиозных убеждений, которые мы, современные люди, решительно отвергаем. И тем не менее, их уверенность в своей правоте была не слабее, чем наша, и даже сильнее, если судить по их нетерпимости по отношению к своим противникам. Все люди на свете питали такую уверенность, которая в девяти случаях из десяти оказывалась ложной.

NB Если я так часто ошибался в своих личных делах, где мне известны были все данные, то насколько чаще могу я заблуждаться в политических вопросах, где условия так многочисленны и так сложны для моего понимания?

Задачи, для исполнения которых люди не хотят добровольно объединить свои усилия, не могут быть удовлетворительно решены правительством. Как ни плохо исполняет правительство возложенные на него обязанности, всякие *новые* обязанности, которые будут на него возложены, оно будет исполнять ещё хуже.

Преследование скорее благоприятствует, чем вредит запрещённым учениям.

В своём стремлении устранить то или иное зло законодатели постоянно вызывают побочное зло, которого они вовсе не предвидели.

Официальная (правительственная) деятельность обыкновенно бывает медленной. Ещё одной чертой этой деятельности является расточительность.

В частности – огромные расходы на учёт и контроль. "В предприятиях, которые должны приносить доход, нельзя тратить 48% из капитала на надзор", – замечает Спенсер ...

Когда я приехал в США, я был удивлён, что в аэропорту никто не проверяет, свой я взял чемодан с карусели или чужой. Авиакомпания подсчитали, что им дешевле будет время от времени заплатить за потерянный или украденный чемодан, чем нанимать охрану, контролёров и начальников, которые контролируют контролёров...

Неумение быстро приспособиться к изменившимся условиям – это ещё один грех правительственной деятельности.

Наконец, правительство подвергается нравственной порче. Продажность ежедневно проявляется везде и во всём, начиная от инспектора, который "не замечает" злоупотреблений, и кончая министром, который раздаёт прибыльные должности друзьям и родственникам.

Любому руководителю легче работать с людьми, которых он хорошо знает, которым он может доверять, на которых он может положиться, то есть – с его друзьями и родственниками...

Официальные учреждения не только противодействуют реформам, касающимся их самих, они задерживают реформы, относящиеся и к другим областям.

Сила, приводящая в действие социальный организм, есть аккумуляция личных желаний.

Н Органический консерватизм, проявляющийся в ежедневном образе действия всех людей, в частной деятельности побеждается личными интересами. Но на государственной службе он обнаруживается во всей своей силе.

То, что было в прошлом, повторится и в будущем.

Всё это написано об английском правительстве, которое всегда служило для всех правительств мира образцом честности, неподкупности, деловитости, эффективности и пр. Что уж говорить о других правительствах (о российском – лучше и не упоминать). "После всего вышесказанного кто же может колебаться между казёнными и свободно возникающими учреждениями?" – спрашивает Спенсер.

Частные предприятия исчезают как только перестают быть полезными.

Правительство оказывается плохим судьёй в вопросе об относительной важности социальных потребностей. При свободном течении вещей менее важные нужды будут подчинены более важным. Сильные потребности найдут удовлетворение раньше слабых, и доставить более слабым потребностям удовлетворение прежде, чем они найдут его естественным путём, значит сделать это за счёт более сильных.

Поддержка отстающих предприятий за счёт передовых и была одной из основных причин краха советской социалистической экономики.

Энтузиасты-филантропы, делая для народа то, что он должен делать сам, приносят ему нравственный вред.

Национальный характер складывается постепенно под влиянием ежедневного воздействия условий, ежедневный результат которых кажется столь ничтожным, что не стоит и упоминания. Повторные действия, из которых каждое в отдельности кажется незначительным создают в конце концов привычку, которая будет влиять на всю последующую жизнь народа.

Чем больше люди пользуются чужой помощью, тем более они становятся беспомощными...

Россия, в которой люди ждут решения всех проблем от правительства, являет собой разительный пример беспомощной нации. Недоверие порождает пассивность. Пассивность порождает иждивенчество. Иждивенчество порождает беспомощность. Беспомощность порождает рабство. "Способность к самопомощи создаётся привычкой к самопомощи", – пишет Спенсер. У российского народа привычки к самопомощи нет. Вина это его или беда – не так уж важно. Важен результат...

NB При отсутствии соответственного национального характера, формы, необходимые для свободы, не создадут реальной свободы. точно так же, как самый совершенный механизм не станет работать при отсутствии движущей силы.

Одни люди предпочитают лишиться избирательного права, чтобы не платить налоги. Другие – делают сбережения, чтобы стать избирателями.

Правители, которые стремились подавить те или другие мнения, запрещая содержащие их книги, не думали, что запрещение этих книг повлечёт за собой распространение этих мнений.

Поразительны результаты, достигнутые косвенным и бессознательным образом кооперацией людей, занятых преследованием своих личных целей.

Об эволюции языка:

Этот процесс был естественным и самопроизвольным. Начавшись без всякого юридического основания и позволения властей, он продолжался сам собой и ни один человек этого не заметил. Только под влиянием потребности во взаимном общении, только из личных целей люди мало-помалу развивали речь, абсолютно упуская из виду, что они делают не только то, чего требуют их личные интересы.

Аналогия между индивидуальным и социальным организмом:

Существующие аналогии являются продуктом несомненной общности обеих организаций: в той и другой наблюдается взаимная зависимость частей, что и составляет основу всякой организации.

Тут сразу открываются нам явления как кооперации, так и антагонизма. Армия – помогает промышленности поддерживать её функции, не опасаясь вреда со стороны внешних врагов; промышленность – снабжает армию всем необходимым для обеспечения её функций. И в то же время эти две системы находятся во взаимном антагонизме, так как обе они в своём существовании зависят от общего для них запаса продуктов ... Армия и флот должны управляться деспотически. Для развития промышленности необходима свобода предпринимательства ...

Только тогда, когда достигнут значительный прогресс промышленности за счёт военного строя, только тогда свободная кооперация для самых разнообразных целей внутренней жизни начинает превосходить в смысле успешности деятельность центрального правящего органа.

Когда война перестаёт быть занятием каждого свободного человека, тогда начинают брать верх промышленные структуры. Отличительные черты мирного, или промышленного типа общества следующие: центральная власть сравнительно слаба и почти не вмешивается в частную деятельность граждан. **NB** В обществе военного типа граждане существуют для государства. В обществе промышленного типа государство существует для граждан. Однако во времена войны и опасности демократические институты теряют влияние и в управлении обществом интенсивно развивается централизованная структура.

В течение тридцатилетнего мирного периода нашей недавней истории [1815-1845] военная организация сократилась, воинственные чувства охладели и быстро расцвела промышленная деятельность. Признание индивидуальных прав граждан получило большую определённую, и многие ограничительные и деспотические постановления совершенно исчезли. И наоборот. С оживлением военной деятельности на Континенте возродилась и наша собственная военная организация, и, как следствие, резко обозначилось стремление к усилению центральной власти.

Жизненные процессы в очень значительной степени независимы. Никакое влияние мозга не может заставить сердце биться спокойнее. Аналогичным образом, в социальном организме система внешних органов не нуждается в регулировании. Это касается не только промышленной деятельности. Наша [английская] литература, в которой мы никому не уступаем, ничем не обязана государству. Но наряду с безусловными шедеврами в ней есть и масса ничтожных произведений, и никакой академический надзор не сделает их лучше. Наша газетная пресса выросла не благодаря государственному регулированию, а вопреки целой массе помех, воздвигаемых на её пути государством.

NB При взаимной зависимости, создаваемой социальной жизнью, неизбежно возникают такие условия, при которых каждый, работая для собственной пользы, служит вместе с тем интересам других. Свободная кооперация людей, преследуя личные интересы, в то же время служит достижению общего блага.

Как в индивидуальном, так и в социальном организме внешние части находятся под строгим контролем центра.

NB Для нормального функционирования промышленности необходимы, в общем-то, только два условия: чтобы договоры неукоснительно соблюдались и чтобы судебная система эффективно обеспечивала соблюдение договоров.

! Громадное большинство тех зол, для пресечения которых призывается на помощь государственная власть, возникает из-за того, что государственная власть не исполняет надлежащим образом своих функций. С железнодорожными катастрофами надо бороться не с помощью государственного регулирования, а с помощью судебной системы, которая преследовала бы *нарушение договора* между железнодорожной компанией и пассажиром.

Внутренняя социальная работа должна подчиняться тому сдерживающему воздействию государства, которое заключается в предупреждении агрессивных действий граждан.

Существует только одна область, в которой [британское] государство преуспевает: это почтовое дело.

Суждения здравого смысла об общественных явлениях нередко оказываются в резком противоречии с фактами; так, например, меры, направленные к изъятию из обращения той или другой книги, усиливают её распространение в публике.

! Чем больше улучшается порядок вещей, тем громче раздаются жалобы на его недостатки.

Многие противники свободной конкуренции игнорируют проистекающие от неё блага – забывают, что многие полезные продукты и приспособления появились благодаря борьбе за существование.

NB Как только общество отказывается от режима, основанного на взаимном *договоре*, так добровольная кооперация по необходимости должна быть заменена принудительной.

"Не обидно повиноваться властям, когда сами эти власти подчинены контролю народа" – многие социалисты верят в эту привлекательную иллюзию.

NB Если трудно предвидеть поступки индивида, возможно ли сколько-нибудь точно определить заранее действие того или иного общественного строя?

В общественных отношениях, как и в прочих вещах, изменение неизбежно. Было бы безумием рассчитывать, что новые учреждения сохраняют в течение долгого времени характер, приданный им учредителями.

Вообразите себе, что промышленная система, основанная на добровольном труде, будет заменена системой труда обязательного, обеспеченного надзором должностных лиц. Каково же будет положение простого работника? Уже теперь на Континенте, где

правительственные организации распоряжаются более властно, чем в Англии, слышны жалобы на тиранический характер бюрократии, на высокомерие и грубость её представителей. Что же будет, когда не только общественная деятельность граждан, но и весь их домашний обиход будут подчинены контролю? Что произойдёт, когда разные части огромной армии чиновников, объединённой общими интересами, будут иметь под рукой необходимую им силу для обуздания всякого неповиновения?

Мы – те, кто родились и выросли при социализме, – мы знаем, что произойдёт...

Регулирующий аппарат всегда склонен к усилению своей власти. В социалистическом обществе сложится новая аристократия, гораздо лучше организованная, чем старая.

Если отбросить мысль о внезапном и чудодейственном исправлении всех людей, придётся заключить, что искание частных выгод будет управлять поступками людей и в социалистическом обществе.

Применяя принуждение к находящимся вне союза, рабочие вынуждены подчиняться своим вожакам. Для того чтобы победить в борьбе, они жертвуют своей личной свободой.

NB Когда установится социалистическая организация, корпорация лиц, руководящих деятельностью общества, получит возможность применять принуждение *беспрепятственно*. В конце концов разовьётся чиновная олигархия с более чудовищной и страшной тиранией, чем какую когда-либо видел свет.

NB Спенсер ссылается на свою "Социальную статику", в которой ясно выражено "желание организации, более благоприятной счастью массы, чем нынешняя" (1891). Моя оппозиция социализму, – пишет он, – исходит из убеждения, что он задержит движение к высшей ступени и вернёт худшее состояние. Только медленное изменение человеческой природы путём общественной дисциплины может создать непрерывное изменение к лучшему.

Социальные силы заставляют людей осуществлять социальные цели, в то время как сами люди стремятся только к достижению личных целей.

На долю американцев выпало счастье: они имели возможность выбирать из продуктов всего предшествующего опыта.

Американец, страстно преследуя будущие блага, часто не замечает того блага, которое достигнуто; он пренебрегает им, устремляясь снова в погоню за другим, ещё более отдалённым благом.

В этом отношении – между американцами и русскими много общего...

Не подлежит сомнению, что в области механических приспособлений американцы опередили все другие нации (1882). Если бы у них параллельно с их материальным прогрессом развивался в такой же мере и прогресс более высокого рода, им ничего не оставалось бы желать.

Американцы сохраняют свободные формы, но утратили уже значительную долю самой сущности свободы (1882!) Политический механизм, находящийся теперь (1882) в действии, весьма мало походит на тот, который имелся в виду на заре американской политической жизни.

! Америка получила свою форму правления благодаря счастливой случайности, а не в силу естественного процесса развития, так что американцам придётся вернуться назад для того, чтобы быть потом в состоянии идти вперёд.

Ещё одно провидческое наблюдение! Оно касается также и России, которая в 1917-ом году скакнула из феодализма сразу в социализм и теперь вынуждена возвращаться назад, чтобы пройти все необходимые стадии исторического развития.

Если ваш политический строй не явился продуктом естественного развития, то он должен будет развиваться в нечто совершенно отличное от того, что имелось в виду при его создании, нечто "согласное с характером граждан".

Так и российский социализм развился в нечто совершенно отличное от того, что имелось в виду при его создании, в нечто "согласное с характером граждан".

– Разве просвещение не подготовит людей, способных пользоваться свободными учреждениями?

– Нет. Это составляет вопрос характера, а не знания. Разве все эти люди, которые управляют и контролируют все ваши учреждения, не образованные люди? А разве их образование удержало их от участия или, по крайней мере, от терпимости по отношению к подкупу?

NB Свободные учреждения могут сохранять свой истинный характер только там, где каждый гражданин ревниво оберегает свои права.

А в России большинство людей готовы отказаться от свободы действий ради свободы от ответственности...

Монотонный ежедневный труд для дикаря невозможен. Дикарь думает только об удовлетворении своих потребностей в настоящую минуту.

Во всех человеческих действиях можно проследить тенденцию обращать средства в цели.

Идеал жизни изменяется в зависимости от социальных условий. Мы нуждаемся в новом жизненном идеале.

Этот идеал Спенсер видит в создании такого общества, в котором будет достигнуто "надлежащее равновесие между правами сегодняшнего и завтрашнего дня".

* * *

***

В своей философии Спенсер совмещал ранее несовместимые или трудно сочетаемые вещи – и делал это таким образом, что в дальнейшем их уже не могли помыслить отдельно друг от друга.

Парадоксом кажется то, что Спенсер, прославившийся как наиболее последовательный теоретик эволюции, первую свою работу написал под названием "Социальная статика, или же Наиболее существенные условия человеческого счастья" (1850).

"СОЦИАЛЬНАЯ СТАТИКА"⁸

Сухая сжатость и точность, принятая в философских сочинениях, порождает в них монотонность, неодолимую для большинства читателей. Проявленные чувства, допущенные местами в этом сочинении, могут показаться неуместными при чисто научном изложении. Не следует однако же упускать из виду, что на той ступени развития, на которой мы находимся, люди редко руководствуются исключительно логическими соображениями.

"Дайте нам руководителя! – кричат люди философу. – В нашем воображении постоянно зарождаются образы лучшего, но все наши усилия обратить их в действительность остаются бесплодными. Укажите нам пути, которыми мы можем достигнуть исполнения наших желаний". "Что полезно, то справедливо", – вот один из последних, в числе многих ответов на этот призыв. "Держитесь правила наибольшего счастья для наибольшего числа людей", – так разрешает сомнение другой авторитет.

Мерка, которой люди меряют счастье, бесконечно разнообразна. Во все времена, между всеми народами и у каждого класса людей на этот предмет существовали свои особые взгляды. Для странствующего цыгана домашний очаг оседлого человека скучен и отвратителен, а швейцарец без такого очага был бы несчастлив. Личная мера "наибольшего счастья" имеет так же мало определённого, как и другие проявления человеческой природы. Понятия об этом предмете различны даже у одного и того же человека в различные периоды жизни.

Счастье состоит в удовлетворённом состоянии всех способностей. Удовлетворение способности заключается в её упражнении. Чтобы это упражнение было приятно, необходимо, чтобы оно соответствовало силе способности; недостаточное упражнение производит неудовольствие, чрезмерное порождает утомление. Итак, для полного счастья необходимо, чтобы все способности упражнялись соразмерно со степенью их развития.

Что составляет более существенный элемент желаемого счастья, удовлетворение или стремление? Обыкновенно считают несомненным, что счастье заключается в удовлетворении. Удовлетворение считается наиболее существенным для благосостояния.

Что следует понимать под словом "польза"? Миллионы отнесут это слово к тем предметам, которые опосредовано или непосредственно удовлетворяют материальным

---

⁸ Герберт Спенсер. "Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества". Киев : Гама-Принт, 2013.

потребностям. Другие полагают, что умственное развитие носит цель в самом себе, независимо от так называемых практических результатов. С теоретической точки зрения, невозможно достигнуть согласия относительно средств для доставления людям "наибольшего счастья".

В Баварии было принято постановление, что ни один брак не может быть дозволен между лицами, не имеющими капитала, за исключением случаев, когда власти убедятся, что желающие жениться "имеют основательную надежду обеспечить своих детей". Такое правило, без всякого сомнения, имело в виду общественное благо и хотело положить предел легкомысленным союзам и чрезмерному увеличению населения. Цель эту многие политики признают похвальной, а средство они найдут вполне приспособленным к её достижению. Это остроумное средство, однако же, менее всего привело к цели; оказалось, например, что в главном городе государства, в Мюнхене, половина детей родились вне брака!

Опыт всех народов показывает тщетность эмпирических попыток для приобретения счастья.

Существование власти доказывает, что ещё не пришёл конец варварства. Государственная власть приходит в упадок в той же степени, в какой развивается цивилизация. Власть эта необходима для дурных людей, для хороших – она излишняя. Закон для эгоиста – то же, что для дикого зверя клетка. Ограничение необходимо для дикаря; для человека справедливого, доброжелательного, великодушного оно излишне.

С точки зрения государства, хорошие люди – это те, кто соблюдает законы, а плохие – те, кто их нарушает. Однако, я почему-то думаю, что если бы нарушение законов не влекло за собою наказания, то количество "хороших" людей сократилось бы до ничтожного меньшинства, а количество нарушителей закона возросло бы в тысячи раз, в том числе – за счёт бывших "хороших" людей...

Всякая потребность во внешней силе указывает на болезненное состояние. Тюрьма нужна для преступника, смирительная рубашка для сумасшедшего, костыли для хромого; для человека бесхарактерного нужен распорядитель, для ограниченного – руководитель, но ничего подобного не нужно для человека, у которого здоровая душа находится в здоровом теле.

Ах, как это хорошо звучит в теории! Но как же бесконечно далека эта теория от практики!

Полиция и преступник – это целое, в котором одна часть служит необходимым дополнением другой. Таким образом, то, что мы называем правительством, есть неизбежное зло. Правительство есть учреждение, порождённое человеческим несовершенством. Всеми признано, что учреждение это порождено необходимостью оградить себя от зла. Если учение о нравственности основано на правилах, которые при практическом применении порождают споры и противоположные взгляды, то понятно, что необходима для его осуществления известная власть, которая имела бы право окончательного решения, т. е. законодательство.

Для того чтобы составить себе правильное понятие об обществе, необходимо исследовать природу людей, из которых оно состоит. Чтобы понять человечество, во всей его сложности, необходимо сначала проанализировать отдельные его элементы; для понимания сложного необходимо обратиться к простым составным его частям.

Наше стремление к социальной правдивости порождает изречения вроде следующих: "Поступай с другими так, как бы ты желал, чтобы поступали с тобою"; "Честность – лучшая политика"; "Сначала справедливость, а потом великодушие" – вот его цвет, а плоды его – справедливость, свобода и безопасность.

Каждая склонность сопровождается чувством справедливости тех действий, которые способствуют её удовлетворению. Она стремится создать понятие о хороших и дурных поступках, которое бы соответствовало тем удовольствиям или страданиям, которое они для неё производят.

Так называемое "нравственное чувство", – говорят возражающие, – не имеет никакого постоянства, не даёт никаких единообразных ответов. Оно говорит в Европе одно, а в Азии другое; оно порождает различные понятия об обязанностях в каждом возрасте, в каждой расе, в каждом индивидууме; каким же образом может оно быть надёжным основанием для систематического взгляда на нравственность?

NB Уже давно было замечено, что изменчивость есть закон всех вещей; это замечание одинаково справедливо по отношению к каждому отдельному предмету и ко всей вселенной. Природа, в её бесконечной сложности, постоянно стремится к новому развитию. Всякая новая нить, которая входит в состав бесконечной ткани, сотканной на шумном станке времени, изменяет рисунок этой ткани. Странно было бы, если бы среди этого всеобщего движения один человек оставался постоянным и неизменным.

Если человечество неопределённо изменчиво, то оно не может служить мерой для оценки нравственных истин.

Мы видим, что учреждения, которые оказывались неприложимыми в известное время, процветали впоследствии; что законы и обычаи, которые оказывались когда-то спасительными, сделались зловредными, и у нас много оснований предполагать, что подобные изменения будут иметь место и впоследствии.

Система нравственности заключает в себе собрание правил, способных руководить человечеством в самом совершенном его состоянии, какое мы только можем себе представить.

NB Законы природы не имеют исключений. Социальная жизнь или имеет законы, или не имеет их. Если она их не имеет, то не может быть ни порядка, ни определённости, ни системы в её проявлениях. Если она их имеет, то, подобно другим законам вселенной, они должны быть вечно действующими и неизменными, – они не могут иметь исключений. Беспредельно важно для нас удостовериться, в чём эти законы заключаются, и,

удостоверившись, повиноваться им безусловно! Если они существуют действительно, то успеха в нашей деятельности мы можем ожидать только тогда, когда мы им подчинимся.

Нарушение закона оставляет за собою брешь для последующих преступлений. Если первый ложный шаг сделан был безнаказанно, то неизбежно за ним последуют и другие. Сделайте лазейку в принцип, допустив одно исключение, и под разными предложениями сквозь неё пройдёт столько исключений, что они сделают самый принцип никуда не годным.

Что и происходит постоянно, на протяжении всей истории со всеми социальными системами...

Если человек называет известное поведение справедливым, то он выражает этим убеждение, что такое поведение ведёт к счастью.

Всё зло происходит оттого, что устройство предметов не приспособлено к условиям, в которых они существуют. Это справедливо по отношению ко всему живущему. Почему южное растение погибнет, если оно будет перенесено в холодный климат? Потому, что будет разрушена гармония между его организацией и условиями, в которых оно существует.

Преступления, чрез которые наполняются наши тюрьмы, мошенничества в торговле, ссоры между народами и между различными классами общества, испорченность учреждений, зависть и недоверие между сословиями – всё это вытекает из одного и того же источника: люди не приспособлены к жизни в обществе.

Под словом цивилизация мы разумеем *состоявшееся* приспособление. Изменения, которые называются прогрессом, составляют постепенные переходы к нему. Вера в способность человеческой природы к усовершенствованию приводит к убеждению, что силою этого прогресса люди, наконец, придут к тому, что они совершенно приспособятся к своим теперешним формам жизни.

Однако "теперешние формы жизни" к тому времени неузнаваемо изменятся и устареют...

Опыт убеждает, что органы, способности, силы и свойства растут от употребления и ослабляются от бездействия.

Изменения в человечестве, имеющие место до сих пор, вытекают из закона, которому подчиняется вся органическая природа.

В жизни общественной круг деятельности каждой личности ограничивается сферой деятельности других личностей. Человек не может достигнуть полного счастья, не стесняя сферы деятельности остальных людей.

То есть сделать счастливыми всех невозможно. А можно ли сделать счастливыми хотя бы большинство людей? Спенсер уверен, что и это невозможно. А я всё-таки надеюсь на успехи технического прогресса... Впрочем, сама постановка вопроса вызывает возражение. Можно и нужно стремиться только к тому, чтобы все люди были свободны от голода и холода, имели крышу над головой и условия для развития своих умственных способностей. "Сделать счастливым" нельзя

даже одного человека, не говоря уже о множестве людей. Человек сам делает себя счастливым и осознаёт (или не осознаёт) себя таковым. Другие люди могут ему помогать или препятствовать, но они не могут сделать его счастливым без его личных усилий... Любые разговоры о "полном" счастье тоже не имеют смысла. Природа человека такова, что он никогда не бывает всем доволен. Вот почему Бентам говорил о возможно большем счастье для возможно большего числа людей (насколько это вообще возможно в тех или иных условиях).

Первое из условий, необходимых для достижения наибольшего счастья, которое создаётся неизбежностью общественной жизни для человека, – это справедливость.

Но что это такое, справедливость? "Всем поровну"? Или "Каждому своё"? Обе формулы одинаково не справедливы. В первом случае не получают достаточного вознаграждения (и теряют стимул для развития) таланты и способности человека. Во втором – одни люди неизбежно получают "более счастливыми", чем другие.

Жизнь в обществе составляет необходимость. Все наши обязанности заключаются в том, чтобы мы старались жить в согласии с необходимыми условиями. Хорошо, если мы находим в этом удовольствие; если же мы его не находим, мы должны добиваться того, чтобы его найти. Наши свойства должны быть приспособлены к условиям нашей жизни. Наука нравственности должна подробно разъяснить, каким образом нам следует направить нашу жизнь для того, чтобы жизнь наша согласовалась с этими условиями.

Счастье есть известное состояние сознания. Это состояние производится действием на сознание известных видоизменяющих его возбуждений. Всякое возбуждение сознания мы называем ощущением. Следовательно, те возбуждения, которые составляют счастье, должны быть ощущениями.

Счастье есть состояние сознания. Мысль верная. Можно иметь мало и ощущать себя счастливым. А можно иметь много и не иметь такого ощущения. Но есть всё-таки определённый минимум материальных условий, которые необходимы для "ощущения" счастья.

NB Ощущение может быть произведено только упражнением способности. Всякое желание может быть удовлетворено только деятельностью способности. Счастье состоит в надлежащем удовлетворении всех желаний; следовательно, счастье состоит в надлежащем упражнении всех способностей.

Все имеют способности. Все обязаны (?) упражнять их. Следовательно, все должны иметь свободу делать то, что необходимо для их упражнения, то есть все должны иметь право на свободу действий. Тут неизбежно является ограничение. Если все люди имеют одинаковое право на свободу, необходимую для упражнения их способностей, то свобода каждого должна быть ограничена одинаковой свободой всех. Каждый человек может требовать полнейшую свободу для упражнения своих способностей, если свобода эта совместна с подобной же свободой каждого другого человека.

Условие совершенно невыполнимое! Любое действие любого человека так или иначе стесняет свободу других людей... Даже если я тихо читаю книжку в библиотеке, я требую тишины и от других людей и тем самым стесняю свободу тех людей, которые привыкли бурно реагировать на прочитанное...

Как только мы говорим "каждый", "все", мы делаем проблему неразрешимой. Потому что "все", надо думать, включает и неразумных детей, и патологических преступников, и умалишённых и многих других людей, которые не имеют и не должны иметь права на полную свободу действий.

Человек, который стесняет себя, чтобы не причинить страдания своим ближним, сам страдает. Какая-то сторона должна страдать, и остаётся только решить, которая...

NB Свобода действий составляет первое и самое существенное условие для упражнения способностей – поэтому она составляет первое и самое существенное условие счастья.

Это если согласиться со Спенсером в том, что "счастье состоит в надлежащем упражнении всех способностей".

Инстинкт личных прав – это инстинкт чисто своекорыстный, побуждающий каждого человека требовать и защищать лишь свою собственную свободу деятельности. Откуда же берётся понятие о правах других людей? Адам Смит приписывает наши благотворительные действия влиянию симпатии. Он утверждает, что желание освободиться от страданий, доставляемых нам видом бедствия, заставляет нас помогать чужой нужде; мы стараемся сделать других счастливее, потому что мы сами при этом разделяем их счастье.

Мы (англичане) отличаемся ревнивой любовью к свободе и твёрдостью, с которой мы ограждаем свои права. Английские купцы отличаются своей добросовестностью и честностью. Мы замечаем у англичан (даже в самых грубых слоях населения) более развитое чувство справедливости, чем у других народов, – оно обнаруживается, например, в запрещении бить лежачего. В течение последнего времени мы сделали попытку повсеместно уничтожить рабство.

NB "Освобождённые рабы превосходят всех рабовладельцев жестокостью и притеснениями" (лейтенант Walpole).

Аристотель считал очевидным, что "варвары предназначены природой для рабства" и что "это положение не требует доказательств".

Мы должны признать, что закон справедливых социальных отношений заключается в правиле, что "каждый человек свободен делать всё, что он хочет, если он не нарушает равной свободы другого человека".

Спенсер снова и снова пытается доказать эту мысль или просто объявляет её очевидной и не требующей доказательств. В теории, против этого правила нет никаких возражений. Но на практике почти любое действие одного человека каким-то образом ограничивает свободу другого человека, и можно легко найти тысячи примеров, подтверждающих это утверждение.

Если мы примем положение о том, что права людей изначально не равны, то мы можем оправдать его только желанием обеспечить превосходство лучшего.

"Лучший" найдёт пути, чтобы обеспечить себе превосходство, вне зависимости от того, принимаем мы или нет положение о том, что права людей изначально не равны (в чём я несколько не

сомневаюсь). Не могут и не должны обладать равными правами умные и глупые, добрые и злые и т. д. Спенсер против этого взгляда возражает, но тут же сам замечает, что

Истинное превосходство приобретёт для себя значение без искусственной помощи... Удалите меры, расстраивающие естественный ход вещей, и влияние каждого человека на остальных будет вполне соответствовать его естественным силам. Предоставьте вещи их естественному течению, и если человек имеет в себе нечто возвышающее его над общим уровнем, он неизбежно внушит к себе уважение и повиновение.

Никто не может лишить своего ближнего жизни или свободы.

Ну зачем делать такие заявления, которые очень легко опровергнуть? Ежедневно суды выносят сотни тысяч приговоров, отнимающих у преступников жизнь или свободу. Даже если допустить, что в некоторых случаях эти приговоры ошибочны, в подавляющем большинстве случаев они справедливы. Только принимая в расчёт возможность ошибочных приговоров, можно настаивать на замене смертной казни пожизненным тюремным заключением. А вовсе не на том основании, что "никто не может лишить своего ближнего жизни или свободы".

Впрочем, Спенсер сразу же оговаривается: Мы не можем рассматривать здесь вопросов о смертной казни, о пожизненном заключении и т. п. Эти наказания предполагают предшествовавшее им нарушение закона, а, следовательно, относятся к науке, которую мы назвали терапевтической этикой, – нам до них нет никакого дела.

В соответствии с этой логикой – нет никакого смысла изучать нравственные законы до тех пор, пока не исполняются законы юридические. Либо придётся исключить из сферы действия нравственных законов сотни тысяч, а то и миллионы людей...

NB Естественная справедливость не допускает поземельной собственности. Исключительное владение землёй неизбежно заключает в себе нарушение закона равной свободы.

Есть люди, которые ненавидят всё, что называется строгим выводом. По мнению этих людей, истина никогда не находится в какой-либо из крайностей, а всегда – на полдороге между крайностями. Эти люди вечно протестуют против учений, доведённых до их крайних выводов.

Я один из таких людей: "или то, или другое" – это не для меня; "и то, и другое" – вот моя философия. Она, конечно, уязвима, потому что можно найти примеры ситуаций, в которых она не работает. Но такой философии, которая работала бы во всех без исключения случаях, никогда не было и никогда не будет... Я убеждён, что любую деятельность лучше ограничивать, чем запрещать. Даже убийство человека, которое обычно считается безусловным злом, в некоторых случаях может быть необходимым и справедливым...

Нравственные истины так же точны и так же безусловны, как и истины естественных наук. По отношению к землевладению, решение нравственности должно быть определённо – либо да, либо нет. Одно из двух: или люди имеют право обращать землю в частную собственность, или нет.

Здесь всё вызывает возражение. Спенсер приводит нам много примеров относительности и изменчивости нравственных законов в разное время, у разных народов. И тут же заявляет, что

"нравственные истины так же точны и так же безусловны, как и истины естественных наук"... Что касается земельной собственности, то тут, конечно, трудно найти золотую середину. Но и здесь, прежде, чем запрещать, можно попытаться разрешить, но с определёнными и строгими ограничениями... Например, какая-то часть земли будет общенародной собственностью, какая-то – региональной, какая-то – личной и т. д. Вообще, любой запрет, не оставляющий человеку никакого выбора, я думаю, происходит от неспособности законодателя справиться с ситуацией. Законодатели часто не понимают, что, запрещая какую-либо деятельность, они не исключают её из общественной жизни, а делают её тайной. А тайную деятельность гораздо труднее контролировать, чем явную...

Нравственный закон – это закон для человека в его социальном состоянии, поэтому он должен вовсе игнорировать первобытное, не общественное состояние. Начала чистой нравственности составляют руководящий свод предписаний для поведения совершенного человека – они не могут приспособляться к действиям людей нецивилизованных. В обстановке дикой жизни начала отвлечённой нравственности неприменимы.

Много ли есть на свете "совершенных" людей?

Учение о том, что все люди имеют одинаковое право на пользование землёю, допускает новый вид общественного устройства. При этом устройстве общество удерживает землю в своих руках вместо того, чтобы предоставлять её отдельным своим членам; оно обрабатывает её сообща и разделяет собранные произведения. Это то, что обыкновенно называют социализмом или коммунизмом. Как ни благовидно такое устройство, но оно неспособно к осуществлению, сообразному с нравственным законом. Можно представить себе две формы подобного устройства; из них одна неудовлетворительна с нравственной точки зрения, а другая неисполнима [по экономическим причинам].

Гибельный для коммунистической теории аргумент заключается в том, что потребность собственности составляет один из существенных элементов нашей природы. Если склонность к личному приобретению составляет действительно одно из условий человеческого устройства, то общество, которое не даёт этой склонности удовлетворения, не может быть признано правильной общественной формой.

Понятно без всяких разъяснений, что закон равной свободы не нарушается посредством приобретения сведений, которые доступны для всех. Человек может читать, слушать и наблюдать столько, сколько он хочет, не уменьшая этим свободы других делать то же; этим он ни в каком отношении не изменяет условий жизни других людей.

Пока человек только читает и размышляет, он лишь в незначительной степени нарушает права тех, кто по какой-либо причине не может этого делать. Но как только человек начинает применять полученное знание на практике, эти незначительные нарушения могут вырасти до чудовищных преступлений, способных уничтожить нормальное течение жизни общества...

Ясно, что человек, который своим интеллектуальным трудом добыл новые сведения, может, на основании нравственного закона, владеть ими, исключительно ими пользоваться и обратить их в свою частную собственность.

Не совсем понятно, почему учёный, который создал новую машину, имеет полное право не только на эту машину, но и частичное право на её копию, сделанную другими людьми...

Право на идеи не может быть допущено без ограничений.

Это почему же? Ведь это изобретение, по мнению Спенсера, никак не нарушает права других людей сделать то же самое изобретение...

Промышленная энергия уменьшается прямо пропорционально уменьшению безопасности вознаграждения. Тот, кто не уверен, что он пожнёт, не будет сеять.

Веками учёные и писатели работали за свой счёт. Только недавно они начали требовать плату за свою работу.

За исключением тех действий, к которым человек побуждается безусловной необходимостью телесных нужд, во всех остальных случаях главную роль играет желание приобрести хорошее мнение, уважение или возбудить удивление в других людях. Любовь к похвале имеет самое значительное влияние на человеческий образ действий и занимает первое место после инстинктов, непосредственно связанных с сохранением жизни.

Те, для кого кажется затруднительным признать доброе имя собственностью, пусть припомнят, что оно имеет действительную денежную цену. **NB** Иметь репутацию честного человека – это значит получать предпочтение в делах по причине благонадёжности.

Каждый человек может в определённых пределах делать всё, что он хочет. Отсюда следует ясное само по себе заключение, что при условии равенства он может говорить всё, что он хочет. Речь, однако, может перейти за установленные пределы. Мы не можем извинить убийцу, который будет утверждать, что его кинжал виноват в преступлении, в котором его обвиняют. И тот, кто подкупом или убеждением побудил кого-либо действовать кинжалом, настолько же виноват, насколько и непосредственный убийца.

Всё зло, происходящее от неограниченного выражения мнений, должно быть отнесено к ненормальному состоянию государства, а не к свободе речи. При здоровом социальном устройстве и при довольстве, которое от этого происходит, ничего опасаться даже самого неограниченного выражения чувств и мыслей. С другой стороны, если существует всеобщее неудовольствие, то, конечно, можно бояться подвергать печальные стороны государственной жизни холодному дуновению критики...

NB Нет такого порочного поступка, для которого не находилось бы оправдания у того, кто его совершил, а если поступок часто повторяется, то оправдание обращается в убеждение. Самые низкие поступки, которые записаны в истории, находили себе защитников.

Многие думают, что власть и её союзник принуждение – это единственные средства для удержания порядка среди людей. Для них существует только выбор между двумя крайностями – анархией и правительством. Они верят только тому, что они видят, они не могут себе представить возможности такого положения, при котором мир и порядок будут существовать без участия силы или без страха перед могуществом.

Я – один из таких людей. Может быть (чисто теоретически) и возможно существование в течение какого-то времени какой-то небольшой группы высоконравственных людей, которые поддерживают отношения друг с другом исключительно на основе взаимоуважения, самоконтроля, самоограничения и самоуправления. Но даже в такой группе рано или поздно обнаружится лидер, который неизбежно будет стремиться захватить столько власти, сколько позволят ему захватить остальные члены группы... Что уж говорить про огромные массы людей, совершенно различных по происхождению, по воспитанию и по условиям их жизни; людей, совершенно чужих, а порою и открыто враждебных друг другу! Такую массу людей может удержать вместе только принуждение, и заставить их соблюдать определённые правила общежития может только насилие или угроза насилием. Конечно, насилие не обязательно должно иметь вид грубой физической расправы, но существо дела от этого не меняется...

NB "Ни один век не способен написать свою историю". Если мы хотим быть мудрыми, то мы должны предположить, что суждения современного общества подвержены тем же самым искажающим их влияниям, что и суждения прошлых времён. Мы должны заключить, что и в настоящее время, как и во времена прошедшие, мнения соответствуют условиям жизни, они выражают только степень цивилизации, которой мы достигли.

Общество не может существовать без известного равновесия между учреждениями и идеями. Если ложь проникает в наши учреждения, то она проникает и в наши идеи.

NB О степени верности известного убеждения можно судить по нравственному уровню людей, среди которых оно господствует. Если мы видим, что известное учение пользуется всеобщим признанием между теми частями человеческого рода, которые стоят на самом низком уровне развития, тогда мы можем быть уверены, что учение это ложное.

Характер человека неизбежно проглядывается во всех его действиях. Подобным же образом и характерные черты народа отпечатываются на всех его законах и обычаях. Все учреждения имеют один общий корень в человеческой природе – вот почему несовершенства этой природы должны одинаково отражаться на всех одновременных учреждениях.

NB Правила педагогики сельской учительницы и выводы Песталоцци одинаково проникнуты теорией, что ребёнка следует приучать к тем усилиям тела и души, которые будут необходимы для него в последующей жизни. Воспитание имеет в виду эту цель. Что же всего более необходимо человеку в качестве нравственного существа? Какие из его способностей мы должны развивать всего тщательнее? Прежде всего надо развить у него способность руководить самим собою. Эта способность составляет существенную черту, отличающую человека от животного. Превосходство в этом отношении составит одно из совершенств идеального человека.

Человека называют существом, одарённым способностью научиться из прошлого и предвидеть будущее.

Для чего вообще нужно воспитание? Почему ребёнок не может вырасти сам собою и сделаться нормальным человеком? Почему нужно стеснять одни из его наклонностей, развивать в нём другие и искусственным путём придавать его душевным свойствам иную форму, чем та, которую они приняли бы сами собою? Во всех прочих отраслях жизни мы

находим, что семя и зародыш достигают полной зрелости без всякой внешней помощи. Бросьте жёлудь в землю, и в надлежащее время из него вырастет здоровый дуб – без всякой помощи, ухода и воспитания.

Спенсер, видимо, не понимает, что ребёнок рождается зверем. Человеком его делает воспитание. И если его никак не воспитывать, если ни в чём не ограничивать его свободу, то он зверем и останется...

Мы постоянно замечаем неизбежное несоответствие между совершенным законом и несовершенным человеком.

Вот это верно! Все эти отвлечённые рассуждения о нравственных идеалах и о совершенном обществе совершенных людей хороши, может быть, в качестве цели, к которой следует стремиться и отдельно взятому человеку, и обществу в целом. Но они не имеют почти никакой практической ценности. Потому что ребёнок рождается зверем. Надеяться на то, что придёт день, когда люди будут рождаться людьми, которые, свободно развивая все свои способности, будут естественно вливаться в общество нравственно совершенных взрослых людей, конечно, можно. Но эта надежда сродни тихому помешательству...

Затруднения, которые мы встречаем при стремлении действовать согласно с нравственным законом, прямо пропорциональны расстоянию, которое отделяет нас от вполне нравственного состояния общества.

NB Правильное отношение наше к этому предмету очень ясно: мы должны этот выполнять закон настолько, насколько это возможно, насколько это от нас зависит.

Жизнь зависит от известного рода деятельности. Уничтожьте вполне свободу упражнять способности – и вы получите смерть; уничтожьте её отчасти, и вы получите страдание. Свобода упражнять свои способности есть основное условие индивидуальной жизни; свобода каждого, ограниченная только такой же свободой всех, есть основное условие общественной жизни.

Если верить некоторым философам, то от правительства зависит определение, в чём должна заключаться нравственность, а не от нравственности – в чём должно заключаться управление.

Суеверное обожание силы уменьшается с успехами цивилизации. Вместо того чтобы смотреть на монарха как на Бога, начинают смотреть на него как на человека, управляющего по воле Божьей. Подчинение делается менее раболепным. Послушание перестаёт быть неограниченным: люди хотят уже верить по своему выбору. Необходимость внешнего стеснения уменьшилась, вследствие этого уменьшилось и уважение к власти, которая делает это стеснение возможным.

Свойства первобытного человека далеко ещё не вымерли в нас. Мы до сих пор требуем цепей, нам нужны правители, которые бы надевали их на нас, нам нужно обожание власти, которое вынуждало бы к повиновению ей.

Вместо "нам" я бы сказал "большинству людей".

! Правительство есть порождение зла, и оно носит на себе все признаки своего сродства с ним. Правительство существует только потому, что существует преступление. Насилие употребляется для поддержания авторитета правительства, а всякое насилие включает в себе преступление. Государство употребляет орудия зла для того, чтобы поработить зло. Нравственность ничего подобного признавать не может. Вот почему законодательная власть не может входить в область этики.

Если законодательная власть приобретена через право представительства, то из этого следует, что те, которые её предоставили, должны иметь господство над теми, кому она представлена. Нельзя называть представительством то, что вырвано из рук людей против их воли.

NB Когда большинство управляется меньшинством, мы называем такой порядок тиранией. Но управление большинства, по отношению к меньшинству – точно такая же тирания. Должна существовать граница для власти большинства.

Если у управляемых не достаёт инстинкта свободы, то они будут равнодушно смотреть на постепенную узурпацию их прав, пока из этого не произойдёт непосредственных для них неудобств. Если использование прав сопряжено для них с известной тягостью, то они рады от него отделаться, – они готовы даже просить, чтобы их избавили от выбора представителей.

Люди, обладающие властью, склонны к нарушению свободы. Они, употребляя устрашение и подкуп, постепенно устанавливают относительно более тягостное и принудительное управление. Такой процесс вовсе невозможен среди народа, у которого достаточно развита способность, порождающая стремление к осуществлению закона равной свободы.

Never say "Never"!

Если учреждения, создаются путём насилия, значит они преждевременны. Свобода, приобретённая мечом, постоянно утрачивается снова. Она сохраняется только тогда, когда приобретена мирной агитацией. Когда старый порядок разрушен силой, то нет никакой гарантии в том, что новый порядок, поставленный на его место, будет удовлетворять потребностям времени. **NB** Путём революции народ может переделать своё правительство, но он не может переделать самого себя. Как скоро прошла буря, снова появится прежнее равнодушие.

Правительство должно приносить пользу. Если мы накормим голодного, если мы вылечим больного, если мы защитим слабого, то мы поспособствуем условиям человеческого счастья.

Прежде чем мы создадим кодекс для правильного употребления способностей, нужно создать условия, при которых употребление способностей будет возможно.

Если нужно помочь человеку при выполнении нравственного закона, то первое и самое существенное условие этого требования состоит в том, чтобы дать ему свободу.

Политические учреждения не устанавливались людьми после хладнокровного обсуждения и соглашения. Люди доросли до них бессознательно. По всей вероятности, они не имели никакого понятия об условиях общественной жизни, прежде чем они очутились среди этих условий. Если люди остались жить в обществе, то этим доказывается преимущество, которое они отдавали такой жизни перед жизнью уединённой. Жизнь в обществе представляла более прочные гарантии для безопасности их жизни и собственности. Государство есть общество людей, добровольно соединившихся для взаимной защиты.

NB Суд может быть справедлив только в той степени, в какой люди сделались справедливыми. "Вот, если бы у них был суд присяжных..." – говорят некоторые, рассуждая о русских. Но ведь русские не могут его иметь. Если бы он и был в России учреждён, то он бы не действовал. У русских не достаёт той честности и правдивости, которая необходима для его успеха. Не учреждение присяжных производит справедливость, а чувство справедливости порождает учреждение присяжных.

! Правительство не может изменить общего размера несправедливости, которую придётся перенести, но оно может изменить её распределение. Такое изменение и составляет то, что оно делает. С помощью правительства, люди равномернее распределяют зло, которое им приходится переносить.

NB Совершенный человек – это человек с такими желаниями, которые побуждают его к действиям, выгодным не только в настоящее время, но и в будущем.

Правительство нарушает право людей на свободу деятельности каждый раз, когда оно воспрещает коммерческие отношения между двумя нациями или ставит препятствия на пути этих сношений. В таком случае оно делает нечто прямо противоположное своему назначению. Обязанность государства состоит в том, чтобы обеспечить для каждого человека самую полную свободу деятельности его способностей, какая только согласуется с равной свободой всех других.

Если государство принимает на себя обязанности всеобщего обеспечения бедных, то оно неизбежно нарушает принцип, по которому роль его ограничивается исключительно защитой. Если государство требует от гражданина известного взноса для вспомоществования бедным, то оно уменьшает свободу деятельности, которую должно защищать.

Разве спасти человека от голодной смерти не значит защитить его? Тут, наверное, всё дело в степени защиты. Одно дело – накормить голодного, другое дело – дать ему за счёт налогоплательщиков бесплатное жильё, образование и пр.

Благотворительность существенно способствует цивилизации, она до известной степени укрощает дикие наклонности, которые ещё остались в нас, она даёт приятное ощущение, сопровождающее всякий благородный поступок. Системы, вынуждающие помочь бедным путём закона, влияют совершенно иначе: их результаты прямо противоположны. Закон о бедных пытается сделать людей милосердными насильно. Едва ли можно найти более

действенное средство для отдаления людей друг от друга и уменьшения их взаимного сочувствия, чем система государственной милостыни.

Всякий должен порицать то беспечное разбрасывание денег, которое довело до совершенства организованную систему нищенства. Этот образ действий создал то положение, при котором ловкое выпрашивание сделалось более выгодным, чем обыкновенная работа.

В Китае правительство публикует список сочинений, которые дозволено читать. Так как самой высокой добродетелью оно считает повиновение, то дозволяется читать лишь такие сочинения, которые благоприятствуют деспотизму. Чтобы произвести образцовых граждан, правительство строго следит за их поведением. С величайшей точностью определены правила, как сидеть, стоять, ходить, говорить, кланяться. Ученикам запрещено играть в шахматы и в мяч, пускать бумажного змея, играть на духовых инструментах, держать дома животных, птиц и рыб – все эти удовольствия, по мнению правительства, возвращают душу.

NB Предполагаемая неспособность народа судить о своём собственном благе служит основанием для всякого вмешательства государства. Следуя таким путём, мы приблизимся к положению, похожему на состояние рабских государств, где "одна половина общества занята наблюдением над тем, чтобы другая исполняла свои обязанности". Но опыт убеждает нас в несостоятельности такого вмешательства и показывает, что, в конце концов, *интерес потребителя* составляет не только удовлетворительную гарантию для обеспечения достоинства потребляемых вещей, но и лучшую из гарантий.

Люди вовсе не такие плохие судьи в деле воспитания, как это кажется. Даже невежественные родители бывают достаточно проницательны, чтобы отличить дурное воспитание от хорошего. Они судят о воспитании по детям других родителей и действуют на основании этого суждения. Они могут выйти из затруднения, прибегая к советам, и всегда найдутся люди способные и склонные дать необразованным родителям благонадёжный совет. Нельзя согласиться с необходимостью государственного вмешательства в дело воспитания даже тогда, когда нам кажется, что недостаток правильного суждения весьма значителен (хотя на самом деле он редко доходит до крайних пределов). Зло это постоянно исправляется и будет исправляться, как и всякое другое, подобное ему зло. Подрастающее поколение будет лучше своих родителей понимать, в чём заключается хорошее воспитание, а их потомки будут иметь ещё более ясный взгляд на дело.

Невежество (служащее обыкновенно предлогом для всякого государственного вмешательства) излечивается всюду постепенно. Даже в промышленности и торговле нужны иногда целые поколения, чтобы исправить ошибки потребителей и производителей.

Даже если допустить, что в деле воспитания "интерес и суждение потребителя не представляют достаточной гарантии доброкачественности товара", отсюда вовсе не следует, что их нужно было заменить "интересом и суждением" правительства.

Всякое учреждение обнаруживает инстинкт самосохранения, исходящий от заинтересованных в нём лиц. Так как обеспечение их жизни зависит от этого учреждения, то они естественно стремятся его поддерживать. Всякая перемена угрожает им, она их видоизменяет и в конце концов должна их уничтожить. Поэтому они единообразно сопротивляются всяким преобразованиям. С другой стороны, воспитание, заслуживающее этого имени, тесно связано с переменной; оно вечно приспособляет людей к более совершенным состояниям. Отсюда – неизбежная вражда между учреждениями, существование которых зависит от настоящего, и воспитанием, которое должно быть орудием для подготовки людей к будущему. Организация, созданная для преподавания, и правительство, которое ею руководит, непременно будут стремиться к тому, чтобы современные порядки остались неизменными. Дать им власть над духовной жизнью народа – значит дать им возможность подавлять стремление к будущему порядку, идущему на смену настоящему.

Для уничтожения рабства в Европе потребовалось две тысячи лет, и всё-таки рабство ещё не уничтожено вполне. Сотни поколений людей жили и умерли прежде, чем совершился переход от иероглифического письма к печати. Столь же медленным путём развивались науки, торговля и механическое искусство. И после этого люди чувствуют себя разочарованными, потому что недостаточно было пятидесяти лет для окончательного просвещения народа! Даже если в течение этих пятидесяти лет сделано было много больше, чем можно было предсказать на основании прошлого прогресса человечества!

"Мы полагаем, – говорит Маколей, – что тот, кто имеет право вешать, должен также иметь право воспитывать". Однако, нет достаточных оснований утверждать, что народное просвещение, в обыкновенном смысле этого слова, предупреждает преступление. Из доклада главного капеллана пентонвильской тюрьмы, видно, что число образованных преступников относится к числу необразованных точно так же, как число образованных людей вообще к числу невежественных. Невежество и преступление – это не причина и следствие, но совпадающие результаты одной и той же причины. Если человек оказывается невеждою, то это значит, что он жил в среде, где всего более побуждений к преступлениям. Невежество может быть только *признаком* существования влияний, порождающих преступление. Оно настолько же может быть названо *причиною* преступлений, насколько показания барометра могут считаться *причиною* дождя.

Несмотря на многомиллиардные вложения в народное образование, преступность по-прежнему существует, даже в развитых странах. А по отдельным видам преступлений она даже растёт!

Одно только развитие интеллектуальных сил не имеет решающего влияния на поведение человека. Между тем, современное воспитание почти исключительно сосредоточивается на этой цели. Воспитание *может* произвести нравственное влияние – оно произведёт его только тогда, когда будет действовать больше на чувство, чем на рассудок. Мы сделаем доброе дело не тогда, когда дадим ребёнку *понять*, что хорошо и что дурно, а тогда, когда дадим ему это *почувствовать*.

Природа настолько же требует гармонии в телесных свойствах с окружающими обстоятельствами, насколько и в душевных. Радикальный недостаток и в том, и в другом случае приводит к смерти. И в том, и в другом случае существует губительный недостаток приспособляемости.

Если сочувствие не обращает внимания на окончательный результат своей деятельности, то оно причиняет зло.

Попытки сделать через посредство законодательства жизнь в городах более здоровую можно порицать не только потому, что они оказываются излишними, так как в этом направлении уже действуют силы естественные, но и потому, что они не достигают цели, к которой стремятся.

В своих последовательных попытках как можно больше ограничить вмешательство правительства в жизнь общества Спенсер иногда доходит до нелепостей, чуть ли не оправдывая антисанитарию и массовую смертность в результате эпидемии инфекционных заболеваний.

У народов, стоящих на низкой ступени цивилизации, бесчестность и воровство существуют рядом с неограниченной властью начальников.

Люди настолько же проникнуты уважением к авторитету, насколько в них недостаёт уважения к правам других людей.

NB Для того, чтобы принудительное управление могло иметь практическое применение, в народе должно преобладать обожание силы, а это всегда указывает на сохранившуюся ещё дикость.

Мы должны смотреть на общественные перевороты теми же глазами, что и на все другие естественные явления: они вырабатываются неизбежно и идут неизменным путём.

Несообразность между свойствами и учреждениями – вот сила, производящая волнение; революция есть процесс, приводящий к равновесию. Процесс этот видоизменяется случайными обстоятельствами, но окончательный результат выходит почти один и тот же. Можно ускорить или замедлить движение, усилить волнение или облегчить и улучшить исход, но через несколько лет дело придёт к тому же результату и происшествия переходного времени не имеют тут никакого значения. Личности, кажущиеся в этом случае главными двигателями, в сущности не более как орудия этой силы. Если бы их не было, то на их месте явились бы другие.

Прогресс ведёт людей и к большей взаимной зависимости, и к большей индивидуализации одновременно... Личное счастье отдельного человека находится в зависимости от правильности, с которою действует каждый орган социального тела. Человек неизбежно убеждается в том, что его собственное благосостояние и благосостояние всех вообще людей – нераздельны.

NB Для несовершенного человека необходим нравственный кодекс, который бы признавал его несовершенство. Цель заключается в изменении совершенных правил таким образом, чтобы выполнение их сделалось возможным для существующих людей.

Если для известного народа деспотизм в данное время представляет наилучшую политическую форму, то это значит, что при деспотическом правительстве деятельность его способностей менее ограничена, чем она была бы ограничена при анархии, порождённой всяким другим образом правления.

NB Если разница между современными и предполагаемыми учреждениями слишком велика, если предполагается, например, от чистого деспотизма перейти к совершенной свободе, то мы можем предсказать наверняка, что результат не будет соответствовать ожиданиям.

Каким образом можем мы определить, когда наступило время для известной перемены? Мы не имеем для этого никаких средств, оно само определит себя.

***